Черняев Анатолий Сергеевич
1971-1986 гг. заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС,
С 1986-1991 гг. помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, Президента СССР.

Предисловие.

Каждое объемное и неопределенное по жанру сочинение теперь принято называть «проектом».

Я замыслил описать «свой исход». Он растянулся на 20 лет. И, видимо, предчувствуя, что он начинается, я как раз 30 лет назад взялся писать (почти ежедневно) подробный дневник. Накопилось 45 «томов» – толстых блокнотов (это ежегодные календари, каждый около 400 страниц).

Там много всего – и сугубо интимного, и политического, и, что называется, «вообще»: о том, что приходило в голову от прочитанной книги, от общения с кем-то или участия в чем-то. В проект войдет максимум возможного и допустимого, что, мы надеемся, может когда-нибудь кому-то и понадобится.

Почему такое название? Потому, что это будет повесть о человеке, случайно-неслучайно втянутого в политику, которая, как оказалось, олицетворяла постепенную и неизбежную гибель целого государства, великой державы. И личные его проблемы, и поведение просматриваются в дневнике сквозь события и перипетии общества за 20 лет. Образ жизни этого человека, воспитание которого с детства как и его индивидуальная культура совсем не соответствовали тому, что ему приходилось делать по службе на протяжении большей части этого двадцатилетия. Отсюда и его ответственность в какой-то степени, за то, что случилось со всей страной.

Слово «совместный» в заголовке означает не только связанность личной биографии с судьбой государства, но также и то, что проект мы будем делать вместе, вдвоем с Людмилой Павловной Рудаковой.

Особенность его в том, что не просто воспроизводится записанное в свое время, а сопровождается оценками и размышлениями по поводу занесенного в дневник в свое время.

За последние 8 лет изданы четыре книги, написанные с использованием тех же дневников («Шесть лет с Горбачевым», «Моя жизнь и мое время», «1991 год. Дневник помощника президента», «Бесконечность женщины»). Опубликованы десятки статей. Повторения в проекте неизбежны. Но мы будем стараться сводить их до минимума, а когда что-то нельзя будет обойти, - делать ссылки на соответствующие публикации.

Разделы проекта – это годы, начиная с 1972-го и кончая 1991-ым годом. Каждый раздел будет сопровождаться послесловием, в котором подводятся итоги года и даются оценки событиям, лицам и самому себе с позиций сегодняшнего дня.

Совместный исход

1972 год.

1972 год.

Сначала цитата из Маркса, что естественно для одного из составителей проекта: «Этикетка системы отличается от этикетки других товаров тем, между прочим, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца».

Это к тому, что верхи и низы советской системы считали, а многие и верили, что они строят социализм и даже уже живут в нем.

26 февраля 1972 г.

На днях, по службе – мне принесли из Института марксизма-ленинизма дневник Георгия Димитрова с пометкой:«Сверх секретно. Только для Вас». 1934-1945 гг. Впечатление ошеломляющее: вся кухня политики, которую делал Сталин. Он предстает, как преступный, мелочный, пошлый и ничтожный человек. Димитров так не думал, конечно, и ничего подобного не писал, но это само собой вылезает из едва ли не повседневных его контактов со Сталиным, из произносимых тостов, записок, заметок, телефонных звонков, которые скрупулезно фиксируются в дневнике.

Вообще же записи такие: к примеру – «встречался с Копленигом (председатель австрийской компартии). Говорили с Пономаревым. Пал Мадрид. Послал Ст. проект о китайских делах. В Большом театре: Ст., Мол., Вор., Каганович

И т. д. В этом духе. Тем не менее, а может именно поэтому воссоздается эпоха и человек.

Что у меня за вчерашний день?

- Последние стришки на статью Кириленко (член Политбюро, секретарь ЦК КПСС) для «Проблем мира и социализма» – о принципиальном значении революционного пути Чили.
- Речь для Б.Н. (так впредь будет обозначаться Пономарев) на первом заседании главной редакции многотомника «Международное рабочее движение».
- Само заседание редакции. Б.Н. мямлил. И все мои попытки интеллектуализировать это тронное выступление и направить все это дело в оригинальное русло оказались незамеченными.

Волобуев (директор института истории АН СССР) использовал свое выступление, чтобы отомстить (в присутствии Сеньки Хромова) за обвинение в ревизионизме. Б.Н. возможно не заметил, но все заметили.

- Хромов (зав. сектором отдела науки ЦК, бывший мой товарищ по университету в 1938-41 годах). Хитрый, глазки бегают, совесть не чиста. Вижу, гадит мне в угоду своему шефу – черносотенцу Трапезникову (зав. отделом науки), привезенному Брежневым из Молдавии. Сенька попросился зайти ко мне: «мол, посмотреть кабинет». Извинялся, что ничего еще не сделал, чтобы помочь Тарновскому (сотрудник института истории, который вместе с Гефтером образовал в институте группу по «новому прочтению» Ленина). Сам, думаю, делает наоборот – топит Тарновского со товарищи.
- Волобуев после заседания просился к Б.Н. на прием. Спрашивал у меня совета.

- Когда у меня был Хромов, зашли вдруг Тимофеев, Куценков и Галкин[1]. Хромов для них начальство. Явно взял на заметку, с кем я якшаюсь, и откуда в Международном отделе ЦК идет поощрение ревизионистам. Будет гадить всем нам. А между тем, уходя предложил вновь собрать старых университетских (с истфака, поступивших в 1938 г.).
- Вечером заехал к Литвиновым (друзья по ПМС – так будет обозначаться журнал «Проблемы мира и социализма», издававшийся в Праге). Они опять собираются в Прагу (мы там были вместе с 1958-1961 г.) В разговоре ничего особенного: бытовые подробности о знакомых и о … неустройствах нашего общества.
- Позавчера от Помелова (помощник Кириленко) узнал, что 12 млн. га (одна треть озимого клина) погибли, надо пересевать. Погибли также сады и многолетние травы.

27 февраля 1972 г. (воскресенье)

С утра читал «Антимемуары» Андрэ Мальро. (Второй раз принимаюсь за них). Что-то влечет к ним, но основное не схватываю. Раздражают претензиозность и свойственная французам банальность содержания при блестящей форме. (Я, между прочим, замечал, что в переводе на французский наши, написанные суконным «партейным» воляпюком статьи, звучат довольно ничего).

Интересно: кто у кого содрал манеру письма – Эренбург у Мальро или наоборот?

Заехал в ЦК. Почитал дневник Димитрова. В 1938 году отчетливо видна тенденция Сталина стереть коммунистическое обличье в политике СССР:

- всякие коминтерновские заседания (пленумы ИККИ, секретариаты и прочие) велел проводить закрыто. Не публиковать никаких директив;
- ликвидировал интербригады в Испании;
- прикрыл идею Димитрова о «международной рабочей конференции» в защиту Чехословакии;
- запретил Торезу свергать Блюма;
- велел испанским коммунистам втихаря уйти из правительства Народного фронта («без шуму!») и т. д.

Но вот - зачем? Тогда уже готовился к союзу с Гитлером, или рассчитывал на союз с Англией и Францией??

Вечером дочитывал Анфилова «Бессмертный подвиг» (о кануне и первых месяцах войны). Очень примитивная книжка, написанная военным. Много в ней из архивов etc. Товарищ по-простецки уважает факты и дает потрясающую картину: подготовились неплохо к войне и все сделанное в первые дни бросили под ноги немцам.

Каждую главу он завершает пошлыми агитпромовскими выводами, против которых вопиют факты и документы, приводимые им самим.

28 февраля 72 г.

---

[1] *Т. Тимофеев – директор Института международного рабочего движения, член-корр. АН СССР;*
А. Куценков – главный редактор журнала «Азия и Африка», ранее собкор «Правды» в Индии, друг Черняева со времен Праги, доктор наук;
А. Галкин – сотрудник Института Тимофеева, доктор, профессор, давний друг Черняева с университетских времен.

- Коммюнике о поездке Никсона в Пекин. На банкете в Шанхае Никсон сказал: «Сегодня два наших народа держат в своих руках будущее всего мира».

А вчера прочел у Malraux: о его первом разговоре с де Голлем в 1943 г.

«Маркс, Гюго, Мишле мечтали о Соединенных Штатах Европы. Но в данном случае пророком оказался Ницше, который назвал XX век веком национальных войн… Вы, мой генерал, когда были в Москве, слышали там «Интернационал?»…

- Подписал бумагу на согласие, чтобы Каштан (руководитель КП Канады) выступил против австралийских коммунистов – их ревизионизма, антисоветизма, троцкизма.
- Информация чилийцам о положении в КП Австралии.
- Отказался поехать на ужин с Клугманом, который сидит у нас в ИМЛ'е и уже сочинил два тома «Истории КП Англии» (А я их и не видел). У него 60 лет, подарили ему часы. 12 лет назад в Праге в гостинице я пытался с ним по-английски рассуждать о чем-то, а он мне, помнится, сказал: «Пока не умрут те, которые делали политику партии, историю партии написать нельзя». Вот он и не торопится.
- Портятся отношения с Жилиным[2]. Он нечестен со мной. И в душе презирает меня. Послезавтра они с Загладиным поедут в Берлин объяснять Марковскому об МКД[3], выяснять, что на самом деле думает о нас французская КП и информировать об испанских и греческих коммунистах. И т. п. Немцы попросили консультацию.

<u>1 марта 72 г.</u>

Вчера узнал, что налеты «израильской военщины» на партизанские базы на юге Ливана, по поводу которых поднимается каждый раз большой шум и Совет безопасности ООН выносит грозные резолюции, происходят следующим образом: израильское правительство заблаговременно уведомляет об этом ливанское правительство, которое в свою очередь отдает своим войскам приказ не вмешиваться, но партизан о предстоящем налете не предупреждают.

Вчера вновь весь вечер просидел у Помелова (помощник Кириленко): доводили статью последнего для ПМС.

Красин и Галкин обратили мое внимание на опубликованную в №3 «Коммуниста» статью ИМЛ'а (коллективная, но это выдержка из книги, подготовленной под редакцией Федосеева!) Предложили возмутиться. Статья по-существу объявляет ревизионизмом все то, что сделано за 10 лет по исследованию современного рабочего класса (приписывая основную мысль и вывод этих десятилетних исследований Гароди и Фишеру, - об «интеллектуализации труда», о расширении границ рабочего класса…).

Основывается статья на фальсификации известной цитаты из Маркса о «совокупном рабочем».

… Значит, уже и Федосеев включился в очередную (начатую историками партии под руководством подонка Трапезникова) охоту за ревизионистскими ведьмами. Это плохо. Федосеев ходит у Брежнева в непогрешимых цензорах марксизма-ленинизма (я сам это наблюдал в Завидово при подготовке материалов к XXIY съезду).

---

[2] Унаследовал от Черняева руководство группой консультантов в Международном отделе ЦК.

[3] Марковский – заведующий Международным отделом ЦК СЕПГ. МКД – аббревиатура, которой будет обозначаться впредь международное комдвижение.

Поручил подготовить опровержение статьи, в частности, с помощью мнения братских партий. Попробую что-либо предпринять, но уверен, что – безнадежное это дело.

В Москву приехал Рахман – президент Бангладеш. 75 млн.! Зачем он нам нужен. Когда мы перестанем оперировать геополитическими категориями 50-летней давности? Чего мы добьемся, если будем считать, что Китай окружен=обложен со всех сторон десятками миллионов оборванцев, якобы верных нам? Это политика великой державы?!

Или: усмирим Израиль (если это вообще возможно) и будем иметь 100 млн. ненавидящих нас арабов!!

Два тома History of the Communist Party of Great Britan Клугмана (1919-26 гг.) я получил. А 22 года назад я по крупицам собирал для диссертации хоть что-то об основании КП Великобритании…

Кулаков (член Политбюро) потребовал, чтоб я был включен в группу по подготовке его доклада к ленинской годовщине 22 апреля. Б.Н. склонен поддержать. Брыкаюсь всеми силами.

5 марта 72 г.

В четверг позвонил Цуканов (первый помощник Брежнева) и сообщил, что я включен в группу по подготовке речи Генерального секретаря на XY съезде профсоюзов (20 III). Кулаков, естественно «отпал». Более того, Арбатов мне передал разговор Цуканова с Брежневым: мол, растаскивают «основную группу». Тот будто ответил: «Ты уж сам как-нибудь регулируй»…

7 марта 72 г.

Продолжаем с утра до вечера сидеть в комнате при Секретариате: будущие академики Арбатов, Богомолов, Сухаревский (председатель Комитета по труду и зарплате), Смирнов (зам. зав. отдела пропаганды ЦК).

Потом – с Арбатовым вдвоем.

Несколько дней тут был О'Риордан (со 2 по 7) – Генеральный секретарь КП Ирландии. Опять просил оружия для ИРА (выступает в роли посредника, чтоб «после победы» было на что сослаться). Ему уже два года отказывали. Загладин устраивал ему встречи с кгбэшниками, которые ему доказывают, что по техническим причинам переслать оружие трудно, опасно, почти невозможно. А он дело представляет себе просто: советская подлодка или рыболовный корабль сбрасывает где-то км. в 100 от Ирландии груз, оставляет буек, а потом ировцы на лодке забирают его… Пока удается морочить ему голову…

Вчера был прощальный ужин на Плотниковом (партийная гостиница в районе Арбата) . Рассуждали: оборона Ленинграда – выражение чистой идеи нашей революции.

Оборона Москвы – густо замешана на российском патриотизме.

Переезд правительства Ленина в Москву - это приближение пролетарской революции к крестьянской России. Не сделай он этого, революция геройски бы погибла, как Парижская Коммуна, но зато в проекции на будущее не было бы ни культа, ничего подобного…

Брутенц (мой друг, сотрудник Международного отдела ЦК) 3-го защитил докторскую. Ученый совет (я там член). Сегодня – банкет в узком составе, почему-то тоже на Плотниковом. Я не пошел. Устал я.

Позавчера была Бианка[4] (в очередном визите в Москву со своими фирмачами-фиатовцами). Скучно. Сидела до 2 часов ночи. Потом я проводил ее в «Националь». Говорит, что высохла от безмужья (Франко Моранино, ее муж, был командиром бригады Сопротивления, умер в мае).

8 марта 72 г.

Суббота, но для меня рабочий день. Собрались у Цуканова. Ждали, что позовет Брежнев к себе на дачу в Кунцево. Не позвал. Пока переколпачивали текст, переговаривались.

Сухаревский: в январе 3% роста производства, в феврале – 4%. Такого никогда не было с 1928 года.

Арбатов: Бангладеш нужен, чтоб устроить морские базы в Индийском океане, т.е. это опять дедовская геополитика военных, за которую народ расплачивается миллионами.

Жуткое постановление ЦК о Тбилисском горкоме. 6-го опубликовано в «Правде». Самые сильные – неопубликованные места: взяточничество, семейственность, грабежи, распад всякой законности.

9 марта 72 г.

Утром позвали к Брежневу. Цуканов, Арбатов и я. Он вчера еще прочел текст и размышлял вслух, что означало «замечания»… Продиктовал начало…

«Основная моя идея – подняться над профсоюзной тематикой. Не я должен от имени партии приспосабливаться к их заботам, а их приспосабливать к политике партии»…

Загудел зуммер селектора: узнали голос Косыгина. Брежнев тоже отвечал, не оборачиваясь к аппарату: как разговор двух людей в одной комнате.

Цуканов знаком предложил нам троим (вместе с ним) выйти. Но Брежнев остановил. И мы услышали:

К: «Как провел праздник?» (8-ое марта, женский день)

Б: «Да так. На даче с Викторией Петровной (жена). Никто к нам не приезжал. Днем она в больницу съездила: дочка (20 лет) заболела язвой двенадцатиперстной кишки. Подумать только… Но, кажется, ничего, обходится.

К: Я тоже съездил к дочери в больницу в Барвиху. Погуляли. Вечером кино посмотрел, не помню, как называется, Одесской киностудии, про наших разведчиков. Ничего. Хотя, конечно, там всякие подвиги – только в студии так легко.

Б: Я с В.П. посмотрел вечером фильм… как он называется-то… «Щит и меч» что ли? Давний. Но я раньше не видел. Хороший фильм. Днем позвонил в Ставрополь. Секретарь обкома рассказал, что у них там один ученый (не помню фамилии) опыт закончил: выдерживал пшеничные ростки при –20 градусах. Так это же огромное достижение!

Немного поработал. Готовлюсь к выступлению на XY съезде профсоюзов. Товарищи мне тут помогают…

К: Да… Вот что я хотел тебе рассказать. Помнишь, мы Мацкевича послали сопровождать Рахмана до Ташкента. Он говорит, что в самолете министры упрекали его, Рахмана, за то, что он надавал нам слишком большие авансы. Он был сильно

---

[4] *Бианка Видали, дочь одного из основателей Итальянской компартии, подружились в Праге в журнале ПМС.*

взволнован. Потом наедине клялся Мацкевичу, что он выполнит все что обещал Брежневу и что ему так понравилось в Советском Союзе, что не хотел уезжать.

Нам предстоит принимать на той неделе Бхутто и премьера Афганистана. С афганцем дело просто: они хотят и со своей стороны пощипать Пакистан, пуштунов отобрать. Скажем ему, что не надо (этого делать).

А с Бхутто серьезнее. Он ведь там… этих генералов, которые расправлялись с бенгальцами, взял в правительство. Так, может, не стоит его сейчас принимать?..

Б: Вообще-то сейчас действительно много дел, ну, а как?..

К: Написать письмо или устно, через посла: мол, посади своих этих генералов, иначе мы принимать тебя не будем.

Б: Ну, на это он не пойдет…

К: Да, действительно… И если мы его не примем, он перебежит к американцам и китайцам.

Б: Он и так уже у них…

А, может быть, написать ему вежливо, что мы не готовы сейчас обсуждать сложные проблемы, выросшие из вооруженного конфликта. Пусть, мол, они сами, между собой (с Индией, с Бангладеш) и попробуют урегулировать, не наше дело выступать посредниками.

А на сколько отложить?

На май? Нет… В мае – Никсон, черт возьми. Тогда давай на июнь.

К: Хорошо. Я поговорю с Громыко.

Б: Не надо, я сам поговорю.

К: Посмотри, как Никсон обнаглел. Бомбит и бомбит Вьетнам, все сильнее, Сволочь.

Слушай, Лень, может быть нам и его визит отложить?

Б: Ну что ты!

К: А что! Бомба будет что надо. Это тебе не отсрочка с Бхутто!..

Б: Бомба-то бомба, да кого она больше заденет!?

К: Да, пожалуй. Но надо ему написать, что ли…

Б: Да. Кажется, есть какое-то еще письмо от Никсона. Я на него не ответил. Надо будет воспользоваться этим. Я вот хочу в субботу и воскресенье заняться этим: посмотрю еще раз всю переписку, почитаю материалы.

К: Хорошо. А я сейчас буду принимать югославского посла. Давно просится. Что-то от их премьера (или как он у них там называется) ему надо передать.

Селектор выключается.

Брежнев включает его на Громыко.

Б: Здравствуй.

Г: Здравствуй, как ты(!) себя чувствуешь?

Б: Ничего. Знаешь, мне сейчас Алексей Николаевич звонил. Предлагает отложить визит Бхутто. Я тоже подумал: дел сейчас много, устал я очень, да и неясность там большая, не улеглись еще там проблемы. Рано нам посредниками выступать.

Г: А нас в посредники никто и не приглашает. Нам это и не нужно.

Б: Ну, это я так , условно. Ты же понимаешь. К тому же, Ал. Ник., знаешь как у него – он так и так считает возможным.

Г: Ты один сейчас?

Б: Один! (И посмотрел на каждого из нас по очереди).

Г: У этого Косыгина двадцать мнений на один день. А мое мнение такое: ни в коем случае нельзя откладывать визит Бхутто. Если он к нам в такой отчаянной у

себя ситуации едет, значит признает , что если Якъя Хан послушал бы нас перед началом вооруженного конфликта, он бы не потерял такого куска, как Бангладеш. Значит, он понял, что лучше слушать нас.

У нас сейчас очень сильные позиции во всем этом районе. А если мы оттолкнем Бхутто, то потеряем шанс быстро укреплять и расширять их дальше.

Требовать же от него, чтоб он посадил генералов, просто глупо. Он всегда успеет это сделать. И не надо преувеличивать их роль. Это неправильно, будто он уже не хозяин, а полностью в руках военной хунты.

Надо ковать железо, пока горячо.

Б: Хорошо. Я поставлю этот вопрос сегодня на Политбюро. Пожалуй, ты прав. Я то колебнулся, потому что времени совсем нет. И из внешних дел у меня на уме два: Германия и Никсон. Брандту надо помочь. Я думаю в речи на съезде профсоюзов «закавычить» пару абзацев в его поддержку, против аргументов оппозиции.

Г: Это было бы очень важно. Мы представим по твоему поручению свои предложения. Кстати, надо упомянуть об Общем рынке. Тут пора решать. Оппозиция сейчас бьет на то, что, мол, СССР хочет нормализоваться с ФРГ, чтоб оторвать ее от Общего рынка. И вообще, мол, с ним нельзя иметь дело, раз он поставил своей целью вести непримиримую борьбу против Общего рынка.

Б: Да, я думаю об этом сказать. А ты, знаешь, Косыгин и Никсона предложил отложить. Бомба, говорит, будет

В селекторе – затянувшееся молчание. Громыко, видимо, несколько секунд выходил из остолбенения.

Г: Да он что!?..

Б: Ну, ладно… Этот Бхутто и афганец, наверное, ко мне попросятся.

Г: Конечно. Ненадолго надо бы их принять. Это важно.

Б: Устал я. Обговорим сегодня все на Политбюро.

Выключает селектор.

Минут 15 продолжаем обсуждать текст. Звонок ВЧ (правительственная связь).

Брежнев, снимая трубку, - А, Николай. (Это Подгорный из Гагры, отдыхает там). На этот раз слышно только, что говорит Брежнев. Коротко повторил о болезни дочери, еще о каких-то повседневных делах. Потом:

«Ты, знаешь, Коля. Нервы не выдерживают. Я вот тут очень крупно поговорил с Устиновым. Он мне – я, мол, в этом убежден и буду настаивать. Ну, ты знаешь этот его пунктик. Я разошелся. Потом только опомнился. Весь день в себя не мог придти. Ночью уже, часа в два, взял позвонил ему. Ну, вроде помирились. Утром он мне на работу позвонил. Вот ведь как бывает. А ведь мы всегда с ним по-товарищески. Это нервы[5]…

Так вот мотаешься, мотаешься. Я тебе так скажу, Коля: в отличие от своих предшественников на этом месте я не руковожу, а работаю».

Вечером Цуканов сообщил, что на ПБ все было коротко и «хорошо». А что «хорошо», не успел или не захотел сказать.

Одно только ясно, что если б дело оказалось в руках Косыгина, мы б горели синим огнем. А это очень легко могло бы случиться, если б Брежнев действительно только царствовал, а не работал.

---

[5] *Дело было, как потом мы узнали от Цуканова, в том, что Устинов требовал от Брежнева нового большего влияния на ВПК. Брежнев же, сорентировавшийся на разрядку и вынужденный учитывать другие аспекты экономики и «народные нужды», колебался. Но нажим друга, шантажировавший, как всегда, приоритетом обороны, взял верх.*

Вначале, когда мы только зашли, он жаловался на беспорядочность и огромность информации. Перебирал папку с шифровками, со статьями из американских газет, из ТАСС.

И будто спрашивал: можно лишь с заголовками знакомиться? Вот, смотрите, - в Польше в руководстве раздрай, профсоюзы козни строят против партии… Могу ли я только это зафиксировать в памяти, не вникнув в суть?

И т.д.

10 марта 72 г.

Вчера на Политбюро утвердили визит Бхутто на 16-18 марта. Т.е. Косыгина смазали.

Утверждены «аргументы» для Брандта в борьбе с оппозицией договору. Посол должен их передать «на усмотрение канцлера».

Отправил письмо Федосееву против статьи в №3 «Коммуниста» - о структуре рабочего класса со ссылками на то, что позиция этой статьи – от ИМЛ, т.е. Федосеева, по существу означает обвинение доброго десятка КП в ревизионизме. Жилин предостерегал меня от этого опрометчивого шага, «как друг», а также потому, что «в таких делах» нельзя полагаться на порядочность людей (в том числе Федосеева). Федосееву я позвонил перед отправкой бумаги. Интересно, как он отреагирует. Вариантов может быть несколько:

а) положит в сейф;

б) положит в сейф, но затормозит распространение текста за границей;

в) выгонит Семенова, который инспирировал «точку зрения ИМЛ», т.е. Федосеева;

г) пошлет Демичеву;

д) начнет борьбу открытую против меня;

е) затеет интригу, будет ловить меня на ревизионизме, используя мои известные всем статьи. (О них молчат пока, хотя других, например А. Галкина, за меньшую провинность давно уже объявили в протаскивании ревизионизма).

Посмотрим.

12 марта 72 г. (воскресенье)

Вчера опять работал – у Цуканова плюс Арбатов.

Узнал о взрыве на радиозаводе в Минске – 400 человек оказались под обломками цеха.

Объявят ли в печати?

Брежнев подписал некролог в газете по Хвостову (известный ученый, германист, международник, один из авторов написанной по указанию Сталина в 1946 году знаменитой брошюры «Фальсификаторы истории»).

К вечеру заехал к Арбатову. Выпили. Хвалил я его перед Светкой (жена) поделом, а ему и ей, к тому же, приятно.

Вечером с Литвиновыми (друзья по ПМС). Завтра они уезжают в Прагу.

13 марта 71 г.

С утра вновь у Цуканова, опять в компании: Арбатов, Смирнов, Сухаревский, Богомолов. Еще раз прошлись по тексту (доклада Генсека).

Рассказал Шапошникову (коллега, зам. Пономарева) об акции в отношении Федосеева. Он посоветовал все-таки поставить в известность Б.Н. Хотя, мол, тот явно не одобрит и будет огорчен, но уж совсем нехорошо, если он узнает обо всей этой истории, например, от Суслова или Демичева.

Шапошников навел на мысль, позвонить А.Н. Яковлеву (первый зам. отдела пропаганды ЦК) и попробовать с его помощью предотвратить издание федосеевской брошюры за рубежом. В самом деле: если он сам сможет это сделать или мы оба войдем в ЦК с просьбой остановить издание, - дело будет фактически сделано во всех смыслах.

Яковлеву звонил. Он обещал поговорить с Удальцовым (директор Агенства печати «Новости» - АПН) и потом условиться, как быть.

Вечером было собрание партгруппы с докладом Жилина об инфляции слов, ответственности, о самодисциплине, о срыве плановых заданий, о том, что все рассчитывают, что Черняев доделает.

Я вслед за всеми долго и бурно говорил. Все правильно. И по-доброму разошлись. Но вообще все всем надоело.

14 марта 72 г.

Часов в 10 позвонил Цуканов: Брежнев, говорит, согласился разослать написанное по Политбюро, но заходи: тут у нас в тексте обнаружили цитату из Гароди…

Я понял, о чем идет речь, - о моей попытке «навязать» Брежневу высказывание о рабочем классе, которое разом решило бы созданную Федосеевым проблему (о включении «инженерного пролетариата» в состав рабочего класса).

Оказывается, Брежнев поручил почитать Александрову-Агентову («Воробью», как его прозвал Бовин). Тот увидев это место, схватил книжку Гароди, отчеркнул соответствующее место жирным синим и приволок к Цуканову.

Появился Арбатов. Я еще до этого объяснил Цуканову суть дела. Он согласился: если встать на позицию Федосеева-Александрова, через 10 лет и пролетариата как такового в природе не будет. Но… С Брежневым же теоретическую дискуссию не затеешь. И кому вообще какое дело, расширяется пролетариат или сужается. Раз у Гароди написано так-то, то все, на это похожее, есть ревизионизм. Арбатов это продемонстрировал так: открыл первую страницу книги Гароди и прочел что-то о неизбежности победы социализма. Получается (по логике охотников за ревизионистскими ведьмами) – если так у Гароди, значит это ревизионистский тезис. И т. д. Смешно. Но не очень.

Мое выступление против Федосеева в этом свете приобретает совсем иной оборот: как попытка помешать борьбе против ревизионизма…

Прочел доклад Берлингуэра на XIII съезде. Прочел заготовку Красина (для доклада Б.Н. в Софии о Димитрове). Боже мой! А ведь Красин, как и мы все, это наиболее информированные и наиболее политически опытные из «писателей» в аппарате. Но наш удел выкручиваться, чтоб безжизненные формулы, уже негодные даже для элементарных учебников, излагать как-то так, чтоб «выглядели».

И этой школьной меркой мы мерим тех, кто берется и кто пытается думать по-новому, овладевая сложнейшим материалом действительности. Много у них

туману, но в нем проглядывается живая жизнь. А в наших заготовках для «теоретических» выступлений Б.Н. – пахнет одной мертвичиной. Пошлое надутое доктринерство, озабоченное лишь тем, чтоб не оступиться в глазах начальства.

18 марта 72 г.

Давно не писал. В среду вечером ездил к Б.Н. в больницу. Дряхл он. Много рассказывал о болезни и о лечении. Неожиданно одобрением встретил мое дело с Федосеевым. Презрительно ругал его... И сказал вдруг: «Вы вот там с Арбатовым догадались бы включить в речь Л.И. абзац по этому поводу – и дело в шляпе. Я в ответ сообщил ему об интервенции «Воробья»

В среду вечером «учитывали» замечания членов Политбюро и Секретарей по тексту Л.И. Смешно: в основном правили «стиль» или сглаживали углы, словесно замазывая недостатки, которые были обозначены «народными» выражениями, вроде: «если копнуть поглубже»…

Из принципиальных, пожалуй, одно: Суслов вычеркнул все про Общий рынок - сенсационное место, где мы ради поддержки Брандта, впервые заявляем, что не навечно записали себя в смертельные его враги. Брежнев отверг страхи Суслова. Втык Федосееву либо никто не заметил (скорее всего) либо… Впрочем, Демичев в отпуску.

Б.Н. озабочен открывшейся после смерти Хвостова должностью академика-секретаря отделения истории. Боится, что вновь появится Поспелов[6]. Просил подумать. На другой день я ему послал записку с предложением назначить Трухановского (главный редактор журнала «Вопросы истории»).

Рассказал Б.Н. о слышанном в кабинете Л.И. разговоре с Косыгиным и Громыко. Удивлялся Косыгину. Но и Громыко обозвал нахалом за то, что он «тыкает» Брежневу и в то же время лижет Гвишиани (зять Косыгина). Вспомнил, что Громыко был до конца против войны Индия-Пакистан, считал, что они оба для нас одно и тоже. «А почему бы им было и не повоевать? Результаты показали, что это совсем не плохо», - заметил Пономарев.

В пятницу – банкет в СЭВ'е по случаю Брутенца. Все-таки пошлый ритуал. Светка Арбатова в сногсшибательной брючной паре… Выступал Румянцев (академик, бывший шеф-редактор ПМС), Гриша Морозов (профессор, первый муж Светланы Сталиной)… Я лицемерил в тосте – насчет отношения Брутенца к труду. Борька Пышков меня косвенно поправил.

Уезжаю на дачу читать Димитрова.

19 марта 72 г.

Весь день читал дневник Димитрова. Впечатление – перманентно ошеломляющее, особенно тосты и прочие высказывания Сталина.

Берлингуэр избран Генсеком ИКП. (Приветствие Брежнева в «Правде», более сдержанное, чем помещенное выше приветствие Лонго по случаю назначения председателем ИКП).

Вспомнил ядовитость Б.Н. в больнице по поводу «правительства демократического сдвига»: «Не знают чего уж и придумать!»

Ну, а он, Б.Н., что посоветовал бы им придумать?!

---

[6] *Поспелов П.Н. – давний партаппаратчик сталинской эпохи, историк партии, участвовал в составлении «Краткого курса истории ВКП(б), во время войны – редактор «Правды», отпетый догматик и политический хамелион, академик.*

20 марта 72 г.

Речь Брежнева на XY съезде профсоюзов. Он, как потом мне рассказал Цуканов, правил ее в ночь на воскресенье. (Это было заметно, когда слушал по радио). Некоторые международные моменты, например, о том, что переговоры в Пекине проходили под грохот бомб во Вьетнаме, – результат интервенции Арбатова.

Александров-Агентов узнал об исправлениях в последний момент, за полчаса до произнесения. Сильно трепыхался против Цуканова, кричал: по почерку вижу, что это Арбатова работа.

Мой абзац против Федосеева прозвучал слабо, не убедительно. ... Но Федосеев что-то учуял. Именно сегодня, спустя 11 дней, вдруг позвонил. (Арбатов был прав: о благородстве и порядочности в таком деле не могло быть и речи). Начал Петр Николаевич с демагогии – что, мол, это полезно и правильно бороться против Гароди и Фишера, но неправильно говорить о слияний рабочего класса с интеллигенцией и т.п.

Чувствовались нотки запугивания и даже угрозы в связи с «запретом» (моим и А.Н.Яковлева) переводить брошюру на языки. Сначала я глупо вступил с ним в интеллигентский спор по существу. А потом, когда он намекнул, что, мол, позиция мне навязана парой известных товарищей в Отделе, которые давно выступают с неправильных позиций по данному вопросу, - я завелся и сказал: «Не хотите по-товарищески, пусть нас рассудит ЦК. Мы напишем записку, Вы - объяснение etc». Он сбавил тональность. Договорились: мы дадим конкретные исправления в брошюру, а он посмотрит..., но «в пределах позиции нашей партии». Между прочим, он пытался анализировать соответствующее место из речи Брежнева в свою пользу. Я сказал: «У меня есть веские основания трактовать это место в противоположном духе». *Вся дальнейшая эпопея «идейной борьбы» с Федосеевым и Трапезниковым, которая чуть не закончилась моим изгнанием из ЦК, подробно изложена в книге «Моя жизнь и мое время» (стр.247-257). В ходе этого столкновения я разочаровался в своих коллегах по Отделу, потерял друга.*

Оно длилось долго. Последняя неделя апреля могла стать переломной для всего остатка моей жизни. Во вторник состоялось совещание у Трапезникова, на котором объявлена война на уничтожение ревизиониста Черняева. Участвовали: Федосеев, Йовчук (ректор АОН при ЦК КПСС), Смирнов, Егоров (директор Института марксизма-ленинизма), Кузьманов, Семенов (сотрудники этого института), Руткевич (директор Института социологии), Чехарин (зав. отделом науки), Тимофеев, Глезерман (известный специалист по марксизму-ленинизму).

После этого гнусного заседания, на котором меня пытались морально раздавить и запугать, я позвонил Суслову. Все ему рассказал. Он был не в курсе и даже не знал о существовании записки Международного отдела. Принял он мой рассказ благожелательно. Велел своему помощнику доложить ему все материалы. Что он на самом деле думает – неизвестно, но теперь все будет зависеть от него.

В своей книге «Моя жизнь и мое время» я рассказал, чем кончилось. Суслов вдруг порекомендовал ввести меня в состав редколлегии журнала «Коммунист» и таким способом мгновенно прихлопнул всю эту возню Федосеева-Трапезникова. Почему он встал на мою сторону, «идеологически» объяснить нельзя. Скорее всего потому, что презирал моих оппонентов, и того и другого.

Вывод для себя я сделал такой: увы, это позиция слабости - в наше время открыто презирать прохвостов, значит, «губить» себя. Их слишком много, они везде и их трудно распознать в их многообразных личинах.

В общем, по жизненной сути и борьба моя , и вроде победа, если о них поразмышлять по крупному счету, представали суетой, чем-то никому всерьез не нужным. Никакого удовлетворения от того, что я уцелел, я не испытал.

22 марта 72 г.

С утра опять Цуканов: речь при вручении ордена профсоюзам. За полтора часа сочинил бодягу. Собрались: Арбатов, Лукич (Смирнов), я у Цуканова. Прошлись. Сопли.

Вечером мне Цуканов сказал, что попытается уговорить Л.И. не мельчить и не вручать. Не его это дело.

Читал беседу Брежнева с Бхутто. Брежнев великолепно вел дело. Заполоскал Бхутто и тот ушел покоренным другом. Брежнев почти уговорил его вести дело с Индией к заключению договора о ненападении, неприменении силы, невмешательстве. Тогда, мол, и все остальные вопросы решатся сами собой, о военнопленных, например. Если согласны, то будем в этом направлении «работать с Индией». На это пакистанцу было очень тяжело решиться. Но лично он был уже согласен. «Буду делать все, провалюсь – хоть пришлите венок на мою могилу».

23 марта 72 г.

Весь день не могу отделаться от самодовольства по поводу того, как ловко я переделал записку в ЦК об ответе австралийской Компартии.

Суть: Ааронзы[7] («ревизионисты и антисоветчики») предлагают встречу делегаций КПСС и КПА, просят прислать приветствие их съезду (31 марта).

Записка: ответим, мол, после вашего съезда, в зависимости от его результатов. Если съезд нам не понравтся, официально рвем с КПА.

Вернулся Вадим Загладин из Италии, обеспечив, кажется, перелом в отношении с ИКП.

Наш посол в Париже встречался с Мальро (по поводу его поездки к Никсону). Уверяет, что Никсон все свои действия подчиняет предстоящей встрече с Брежневым. Не считает, что произошло нечто существенное.

Чжоу[8] он ценит в отличие от всего мира весьма низко – примитивен, знает несколько слов по-французски.

Чжоу ездил в Ханой, оказывается, по просьбе Никсона, который обещает вывести все войска и прекратить боевые действия немедленно, как только вьетнамцы отпустят пленных летчиков. Китайцы хотят выглядеть умиротворителями и торопят, боятся, что Никсон обратится за таким же посредничеством в Москву: военнопленные для него – главный козырь на президентских выборах.

Меньшиков (консультант Международного отдела) был месяц в США. Поразило его с 1970 г., когда он туда ездил последний раз, что в университетах сейчас самая острая проблема – «свобода гомосексуалистам!» Тогда как в 70-ом – лезли на автоматы из-за Вьетнама. Полная политическая апатия молодежи.

---

[7] *Ааронзы – руководители Компартии Австралии, братья.*
[8] *Чжоу Эньлай – один из главных «исторических лидеров» Китая.*

25 марта 72 г.

Читаю ТАСС. Альтамирано поехал в Пекин. (Генеральный секретарь социалистической партии Чили, с которым я познакомился, когда он был год назад в Москве, и встречались, когда я был в Чили, в октябре 1971 года).

5 часов он провел с Чжоу. Восторги – «незаконченная революция», «великий народ», «судьбы человечества» (в духе Никсона), «750 млн. китайцев + 600 млн. латиноамериканцев», «признанный лидер третьего мира»…

Либо они отчаялись в реальности советской помощи, либо сказывается «революционная» натура антикоммуниста=антисоветчика, поскольку СССР – законченное общество, подобное западно-потребительскому, и заурядная сверхдержава…

Я рассказал Загладину о протесте ИМЭМО[9] по поводу двух антисемитских книжонок бывшего еврея Евсеева (по решению ЦК выпущены для борьбы с сионизмом). Объекты протеста: Евсеев записал там Мирского в сионисты, но подставился, присоединив Помпиду к сторонникам Израиля (критиковать лично глав дружественных государств и правительств запрещено ЦК). Загладин сказал, что книжки плохи, но практически тоже не реагировал, хотя это его сфера.

Я чувствовал за всей его позицией мысль: не тем ты, Черняев, занимаешься. Что это тебе все даст? Да и – не только тебе лично может повредить. Ты – зам. Об отделе пойдут разговоры… Почему ты всегда лезешь, и к тебе липнут, когда что-нибудь связано с борьбой против ревизионизма и сионизма?! Сам Загладин «выше» всего этого.

26 марта 72 г.

Вчера был на работе несколько часов. «Вымарал» статью Шапошникова (о Европейской ассамблее), написанную Берковым, – интеллигентские мерихлюндии. Нет такой политической кондовости, которая приходит с опытом работы в аппарате (и то – не всякому) и у которой что-то от зрелости и реализма.

Читаю Франсуазу Саган («Иностранная литература» №3). До сих пор читал ее только по-французски. Сейчас – «Немного солнца в холодной воде». Прекрасная она писательница. Обаятельная… И этот роман – прелесть. Там есть, например: «любовь иной раз можно определить как желание рассказывать все только этому человеку». По этой maxime я, значит, любил всю жизнь только Искру.

Сегодня она, кстати, позвонила: говорила о новой квартире – как она циклюет полы и о том, что Гулыга (муж) перевел из самиздата для журнала «Звезда» Зощенко, теперь вибрирует по этому поводу. Но о чем бы она ни говорила, о чем бы мы вообще с ней ни разговаривали, - для меня это всегда самое высшее человеческое общение. Я, видно, тоже что-то для нее значу. При всей ее иронии и поносительстве в мой адрес, она все время продолжает от меня что-то «требовать»… и обижается, когда я, замороченный работой, оказываюсь невнимательным или даже недостаточно «почтительным».

Впрочем, мы действительно очень редко видимся.

---

[9] *Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР.*

27 марта 72 г.

Видел Искру – прошлись минут 20 возле ЦК. Отругала меня за восторги по поводу Франсузы Саган... Обычно, говорит, мы о твоих бабах разговариваем. А тут, подишь-ты – о конфликте из-за принципов (это о деле с Федосеевым).

28 марта 72 г.

Обсудил с Красиным и Вебером доклад для Б.Н. (в Софии) о Димитрове (90-летие). Пока еще слабо. Но ребятам уже надоело выкладываться «на дядю». Тем более, что политическая (идеологическая) эффективность выступления Б.Н. практически сводится к нулю. Его речи, доклады, статьи ни для кого уже не указ.

Обнаружил в ужасающем состоянии «памятку» для Капитонова[10], который едет во главе делегации КПСС в Англию по приглашению Голлана[11]. Примитив, переходящий в политический ляп. А, оказывается, Капитонов его уже акцептировал. Нагнал я панику на Матковского и Джавада[12], которые, кстати, сами едут в составе делегации. Поработал с ними над текстом.

Между прочим, на другой день после речи Брежнева на XY съезде профсоюзов, ко мне зашел Панкин (редактор «Комсомолки»). Говорит: «Кто участвовал-то?»... Вот ведь... От речи к речи все лучше. Одна красивей другой. А дела все хуже и хуже.

29 марта 72 г.

Материалы для Капитонова в Англию.

Борисенко![13] Ох, один разговор по телефону повергает в уныние.

Позвонил из больницы Б.Н. Всякие заботы по поводу интервью для болгарского телевидения о Димитрове...

1 апреля 72 г.

«Брат Алеша» в театре на Малой Бронной у Эфроса. Рвотная слякоть, сентиментальное слюньтяйство. В бешенстве от потерянного вечера. Наша интеллигенция (которая там хлопала и вызывала автора) в своей беготне от действительности, в «протесте» тыкается во что попало, потеряла всякие ориентиры. Отвратительно!

Видел в кормушке у «Ударника» внука Сталина.

Читаю Олвина Тоффлера «Столкновение с будущим»: 800-ое поколение», конец постоянства, эскалация ускорения, ритм жизни, общество «выбрасывателей», новое племя кочевников, легко заменяемый человек, избыток выбора... etc.

Теперь-то уже ясно, что это современный Нострадамус. Тогда воспринималось как нечто «не про нас» и в смысле: «нам бы ваши заботы».

---

[10] *Капитонов – Секретарь ЦК КПСС по кадрам.*

[11] *Голлан – Генеральный секретарь Компартии Великобритании.*

[12] *Маткоский – зав. сектором Великобритании в Международном отделе ЦК, Джавад Шариф – его заместитель.*

[13] *Борисенко – помощник Капитонова.*

2 апреля 72 г. Воскресенье.

Вечером был с Вадькой у Нинки Гегечкори[14]. У нее 1 апреля день рождения! Такая же взбалмашная, почти чокнутая. Собачится с матерью, которая действительно «незаметно» сыграла пагубную роль в ее жизни. Два человека – нинкины старые друзья и покровители: некто Соломон Менделевич (видный ученый, физик) и Максим – крупный радиоинженер. Очень интересная публика.

Спор о Наполеоне (в связи с только что вышедшей книгой Манфреда), о «Рублеве» Тарковского.

3 апреля 72 г.

Вчера был на выставке «Художники Москвы. Весна 1972» на Кузнецком. Социально впечатление такое же, как и от «Брата Алеши». Но здесь что-то сложнее. В результате «послаблений» художественное развитие обратилось на 40-50 лет назад, к пункту, когда его «естественное течение было прервано волевым способом». Художники повторяют Штейнберга, Альтмана, Ларионова, Петрова-Водкина, даже Шагала, Тышлера. Но все это глядится скучнейшим эпигонством, особенно после посещения запасников Русского музея в Ленинграде, где я был в декабре.

Есть просто дешевый модернистский выпендреж. Масса натуральных пейзажей, которым, кажется, 100 лет, огромное количество церквей (в городе и деревне), русских изб, палисадов и крылечек, камерных портретов и т. п.

Стихия аполитизма и бездумья.

Видно, обрыдла официальная тематика «соц.героизма» и т.п. Но новой идеи нет, нет и новой формы, которая побуждала бы искать новое содержание.

Ужасающее бегство от реальности. И очень слабо технически.

Сегодня узнал, 15 и 21 марта в Венгрии в ряде городов были студенческие волнения «с националистическими и антисоветскими лозунгами». Не первый раз уже это читаю в ТАСС'е и телеграммах о том, что экономическая реформа привела к огромной передвижке доходов «к частно-кооперативному» сектору. Велики доходы ученых, профессоров, врачей и прочей интеллигенции. Ропот в рабочем классе. Студентов разогнали дубинками. 16 арестов. «Зачинщиков» еще не нашли.

А между тем, в последние годы Венгрия казалась самой благополучной страной среди «наших». Все ждали взрыва в Болгарии (после Польши в 1970 г.). И вот, пожалуйста!

Материал к встрече Брежнева с подыхающим Всемирным Советом движения сторонников мира.

6 апреля 72 г.

Сегодня впервые в жизни был на Политбюро. Обсуждались материалы к приезду Никсона.

Это в Кремле, недалеко от ленинского кабинета. Окна выходят на Грановитую палату – где Свердловский зал. Постовые долго всматривались в мою физиономию, сличали с фото на удостоверении. Маленький зал – прихожая. Там минут за 15-20 начали скапливаться Громыко, Гречко (с ним какие-то два генерал-полковника и вице-адмирал, потом выяснилось, что их вызывали, чтобы утвердить

[14] *Школьные друзья 30-х годов.*

на какие-то должности), Байбаков и прочие министры, зав. отделами – всего человек 10-12.

Заходили и секретари ЦК.

Катушев тут же поручил мне статью для «Правды»: мол, прочитал шифровку - Брандт просит поддержки у Социнтерна, что мы тоже готовы оказать... Надо-де похвалить социал-демократов. (Не понимает, что такая наша похвала – серпом по яйцам т. Брандту!)

Пригласили в зал «на первый вопрос».

Брежнев одобрил представленные материалы (похвалил МИД, «наш Отдел», как он выразился, т.е. именно наш Отдел, и… кто-то подсказал – Андропова).

Сказал, что сейчас важно отметить лишь самое принципиальное: материалы – основа, но по ним с Никсоном ведь не будешь разговаривать, нужно преобразовать в «рабочий материал». Пусть каждый член ПБ письменно представит замечания и соображения. Образуем комиссию, которая пусть денно и нощно этим занимается.

Характерен порядок фамилий в комиссии: Суслов (член ПБ), Андропов (кандидат в члены ПБ), Пономарев (просто секретарь), Устинов (кандидат в члены ПБ), Демичев (кандидат в члены ПБ), Громыко, Гречко (министр обороны).

Просил обратить внимание на некоторые неприемлимые подходы в материалах, в том числе в проекте коммюнике.

Например, говорится о борьбе против колониализма и неоколониализма. «Это что же? Мы их берем в компанию по вопросу, по которому у нас с ними не может быть ничего общего?! А в 1969 году на Совещании мы обязались бороться против США как раз по этим вопросам. Нас ведь никто не поймет, и прежде всего МКД. Или – о соблюдении суверенитета. Запишем это тогда, когда Никсон воюет во Вьетнаме. Впрочем, он может и согласиться записать все это. Но он не будет и не может это выполнять. И нам скажут коммунисты: «Чепуха все это, наивные вы люди»

Надо зафиксировать все наши принципиальные несогласия. Но метод не должен быть китайским: по одну сторону наши позиции, по другую – ихние.

Конечно, о многом я буду говорить с Никсоном устно, без памятки. Но на бумаге должна быть взвешена каждая фраза.

(Как видно, Брежнев тогда еще соображал вполне нормально для своего положения).

Приходила ко мне на работу «Людка» Малова. Много говорили о жизни. Она прямо живая героиня для Франсуазы Саган, умная, злая, отчаявшаяся, слов не выбирает и т. д.

Две у нее мечты: отдаться любимому человеку на ковре из пармских фиалок (это по Анатолю Франсу из «Сильвестра Бонара»), выйти в зал миланской оперы в роскошном длинном платье, бриллиантах, с лучшей в мире прической – чтобы весь вечер на тебя только и смотрели (пусть бриллианты напрокат!). Один только вечер и вся жизнь!

Кто такая Людмила Малова? Одна из четырех девушек 19-20 лет, которых ЦК направил в 1959 году в Прагу в журнал ПМС в качестве стенографисток, машинисток, каждая с каким-нибудь иностранным языком. Одна из них – Валя – вышла замуж за известного деятеля Французской КП – Жана Канапу, другая – Оля – вышла за консультанта международного отдела Жилина, третья – Надя – потом долго работала в международном отделе ЦК, а четвертая – та самая «Людка» – вернувшись в Москву, затерялась в разных министерствах. И у всех у них оказалась несчастная женская судьба. В Праге они были в центре увеселительных компаний,

где преступались всякие нормы ЦК-вской морали. Умные, образованные девушки. Я счел возможность вставить их в этот политический текст в качестве персонажей, разрушающих представление об «аппаратчиках того времени».

8 апреля 72 г.

Любопытная дискуссия была на Политбюро по протоколу приезда Никсона.

Брежнев: «Никсон в Китае ходил по «стене» (Великая китайская стена) с мадам. А у нас всюду она будет ходить одна. А он – только на «Лебединое озеро». Удобно ли?

Не предусмотрено речей на обеде и тостов на приеме (с нашей стороны). А если он захочет (и, наверное, захочет, это ему нужно)?..

Не надо селить сопровождающих в гостинице. Там за ними Андропову не уследить. Надо их всех – на Ленинские горы. (В правительственные особняки, построенные при Хрущеве). И контактов будет меньше».

Толпа на аэродроме. Обычно у нас машут флажками и кричат «Дружба!». Сейчас это не пойдет. Но надо, чтоб не молчали совсем. Надо 5-6 ребят подготовить, чтоб что-нибудь сказали президенту, пожелали успеха в переговорах что ли…

Подгорный[15] стал настаивать, чтоб показать Никсону ансамбли Осипова и Александрова (Советской Армии).

Брежнев: Это не то, чем мы можем блеснуть.

После довольно комедийных препирательств по протокольной стороне приема Никсона, Брежнев поставил вопрос, представленный Байбаковым и Патоличевым[16], - проект торгово-экономического соглашения с США.

Подгорный первый взял слово: Неприлично нам ввязываться в эти сделки, с газом, нефтепроводом. Будто мы Сибирь всю собираемся распродавать, да и технически выглядим беспомощно. Что мы сами что-ли не можем все это сделать, без иностранного капитала?!

Брежнев пригласил Байбакова объясниться. Тот спокойно подошел к микрофону, едва сдерживая ироническую улыбку. И стал говорить, оперируя на память десятками цифр, подсчетами, сравнениями.

1. Нам нечем торговать за валюту, сказал он. Только лес и целлюлоза. Этого не достаточно, к тому же продаем с большим убытком для нас. Ехать на продаже золота мы тоже не можем. Да и опасно, бесперспективно в нынешней валютной ситуации.
2. Американцев, японцев да и других у нас интересует нефть, еще лучше – газ. Топливный баланс США будет становится все напряженней. Импорт будет расти, причем они предпочитают получать сжиженный газ. И предлагают:

   а) построить газопровод из Тюмени до Мурманска, а там – газосжижающий завод, и на корабли;

   б) построить газопровод из Вилюя через Якутск в Магадан.

   Нам выгоднее последнее. Через 7 лет окупится. Все оборудование для строительства и эксплуатации ихнее.

   Если мы откажемся, продолжал Байбаков, мы не сможем даже подступиться к Вилюйским запасам в течение по крайней мере 30 лет.

   Технически мы в состоянии сами проложить газопровод. Но у нас нет металла ни для труб, ни для машин, ни для оборудования.

---

[15] *Подгорный – член Политбюро, председатель Верховного Совета СССР.*

[16] *Байбаков – председатель Госплана СССР, Патоличев – министр торговли.*

3. Сахалин. Японцы предлагают организовать здесь добычу нефти со дна океана. Но у нас для этого нет установок. Одна, голландская, работает на Каспии.

Подгорный: Да там же ветры дуют на Сахалине, все постройки снесут.

Байбаков с ухмылкой: «Николай Викторович, Сахалин большой, на севере там дуют ветры, на юге – не дуют. А потом, это у японцев пусть голова болит насчет ветра, но они почему-то его не боятся».

Вечером был в больнице у Б.Н. Речь шла опять о его докладе в Софии к 90-летию Димитрова. Он стал навязывать идею прямой связи между Народным фронтом с государствами народной демократии. Дурацкая идея. Он все хочет учить зарубежные компартии, хотя те отвергают эту связь, по существу осуждают «народную демократию» как государственную форму. Иногда поражаешься бюрократической ограниченностью мышления Б.Н. Его невежеству в вопросах, которыми он с утра до вечера занимается, проявляя поразительный интерес к кухонным сплетням в руководстве братских партий и к их скандальным заявлениям в наш адрес, по которым он, главным образом, и ориентирует свою политику в МКД.

Опять он ругал итальянцев. Будто не было ни XIII съезда ИКП, ни шифровок из Рима от нашей делегации, ни заседаний Политбюро, где обсуждались итоги поездки делегации и где очень поддержали итальянцев. Это же единственная реальная сила в комдвижении! Он даже заявил: «Я не уверен: начнись война – они займут позицию нейтралитета против нас». Я запротестовал. Он сделал вид, что пошутил.

Утром в Шереметьево встречали Гэс Холла[17]. Был, естественно, вьетнамский посол. Демичев ему говорит: «Вьетнамцы уже обеспечили выборы американского президента». Это в связи с их мощным наступлением, которое после долгого затишья длится уже 9 дней и которое срывает «вьетнамизацию» президентской компании США.

После такого общения захотелось развлечься. И поехал в бассейн ЦДСА на соревнование СССР-ГДР. Девчонки, мальчишки, визг, азарт, красивые тела, красивые движения, самому захотелось. Плавать-то еще могу, и красиво.

10 апреля 72 г.

Катушеву – речь о десятой годовщине ленинской школы.

Консультантам – замечания Б.Н. по его докладу о Димитрове.

Несмотря на настойчивые приставания отказался читать доклад о социал-демократии на слете преподавателей заочной ВПШ.

Первое заседание комиссии по итогам Никсона, у Суслова: Андропов, Катушев, Гречко, Гришин, Демичев, Замятин, Яковлев, Ковалев, Семенов и я.

Организация конференции по случаю годовщины смерти Рузвельта.

16 апреля 72 г.

Вчера был субботник. Работали опять в Кунцево на строительстве прекрасных домов ЦК-вского комплекса, который народ уже прозвал «Заветами Ильича». Бригада из консультантов Международного отдела и примыкающих к ним референтов. Работали весело и ударно. Рабочий Юра (со стройки), который нами руководил, очень гордился своей бригадой перед начальством. Кончили раньше

---

[17] *Генсек компартии США.*

всех. Выпили 3 бутылки водки и 2 коньяку. Совсем стало хорошо. По домам пошли пешком. Я увязался за Надей (это одна из тех, которая была в Праге), но она мне заявила: «У меня все дома». В Москве 21 градус, 100 лет не было такой жары в такое время года.

На той неделе не пошел на заседание редколлегии «Вопросы истории». Свои отзывы о некоторых статьях послал Трухановскому. Особенно возмутился я дурацкой статьей, посвященной 1956-57 годам на Ближнем Востоке.

Поучительность истории не «примерна»: у автора была хорошая цель – показать, что мы всегда были за арабов. Но… *Это мое «но», спустя почти 20 лет, по видимому означало, что мы тогда, в середине 50-х, при Хрущеве, впутались в «историю», которая легла тяжелым бременем на всю нашу внешнюю политику и на наш имидж, и на наш бюджет. И когда я это «но» поставил, было уже ясно, что даже Брежнев начал понимать, куда нас заводит безоглядная поддержка Сирии, Насера и т. п.*

Во вторник был на праздновании 10-летия Ленинской школы. Главным от ЦК был Катушев. Выступал Престес (легендарный председатель бразильской компартии, полная развалина, как и многие прочие от компартий). Французская компартия отказалась не только кого-либо послать на торжество, но и прислать приветствие. Возник вопрос о публикации сообщения в печати. Суслов согласился, но, когда я позвонил об этом в больницу Б.Н.,- что тут было! Это же скандал. Это же разглашение того, что мы всегда держали в секрете, в том числе само существование такой школы! Вздор, конечно. Весь мир знает о ней. И реакция Б.Н. – это ревность к Катушеву (тогда он был тоже секретарь ЦК, который курировал социалистические страны), и обида, что болезнь помешала ему самому быть в центре торжества, ведь он и ленинскую школу считает своим детищем.

Шапошников затеял возню, добиваясь приема Брежневым представителей Комитета борьбы за мир. Это дохлая организация, зачем ее гальванизировать? Брежнев никогда бы не согласился, если б представлял себе, что это такое.

В среду был у Бориса Слуцкого. Считаю его одним из самых сильных поэтов военного поколения. Он недавно вернулся из поездки в Венгрию, где воевал. Милая у него жена Таня. Пили вино. Он прекрасный рассказчик. И много любопытного узнал я от него про Ахматову, про ее отношение к Пушкину, к Толстому, к Блоку и Брюссову, с которыми она, случалось, спала, к Есенину, который в 21 году застал ее за мытьем полов и не мог скрыть на своей «рязанской роже» издевательской ухмылки. С этого момента он перестал быть для Ахматовой поэтом. Она вычеркнула его из литературы, как потом и Заболоцкого, который не захотел под тост за нее выпить водку, потому что никогда ее в рот не брал, и для Ахматовой не стал делать исключение.

Свое последнее перед смертью сидение в президиуме съезда Союза писателей РСФСР она назвала – «вызов королю!» В конце концов – она победила!

Рассказывал Борис также о Коненкове и Шостаковиче, которые за последние 15 лет, не только не писали своих статей, но и не читали их.

В четверг выступил экспромтом на партсобрании Отдела. И еще раз почувствовал, что меня воспринимают в качестве зама иначе, чем других, одни – с большей симпатией, другие – с презрением, и, пожалуй, все с некоторым удивлением и непониманием. Ищут какую-то закономерность появлению в аппарате ЦК такого зам. зава Отделом и ждут, когда провалится, чтобы привычная ситуация была восстановлена.

21 апреля 72 г.

На этой неделе произошло важное событие: Сашка Бовин был изгнан из ЦК. Вся история с его отставкой тоже подробно рассказана в моей книге. В этой истории большой личностный элемент, однако сам Бовин связал свое изгнание с победой в окружении Брежнева людей, близких к Александрову-Агентову и поражением Цуканова-Андропова. Он связал это также со слухами об образовании при Брежневе группы внешнеполитических помощников во главе, конечно, с Александровым, в которую войдут Русаков, Блатов и Загладин. Прощаясь со мной, Бовин сказал: «Толя, вот тебе мое политическое завещание – бойся Вадима» (т.е. Загладина, который был «лучшим другом» Бовина).

Директор «Рено», беседуя с Косыгиным, сказал: Вы меня извините, но на «Москвиче» и в Ижевске, Вы производите автомобили, которые мы выпускали 15 лет назад.

Беседуя с Батцем (министр сельского хозяйства США), Брежнев просил передать Никсону, чтоб тот закруглялся с бомбежками во Вьетнаме. Наш народ, сказал он, этого никогда не поймет, не признает: он помнит свою войну, у вас, американцев, такой войны не было.

Беседа Капитонова с Голланом (делегация КПСС в Англии). «Никогда не соглашусь с вашей идеологической политикой, - сказал Голлан, - Даниэля и Синявского никто не знал. Вы их посадили – и их книжонки стали бестселлерами, вокруг них и этих имен была создана «целая индустрия» на Западе. И что же? Они отсидели, и первое, что сделали, выйдя из тюрьмы, - написали книжки о своей тюремной жизни и проч. Теперь вы их опять посадите? Но какой смысл сажать людей, которые не боятся этого?

Или – Солженицын.

Это вы сделали его Нобелевским лауреатом. Это вы своей политикой превратили его в современного Толстого и Достоевского. А если посадите, он станет вторым Христом!»

И т.д. в этом духе.

В Чехословакии скоро начнутся процессы над 46 бывшими деятелями оппозиции, которые вели подпольную работу. Гусак, распорядившись, чтоб процессы были закрытыми, пояснил: «чтоб не плодить новых Димитровых».

22 апреля 72 г.

Когда я был последний раз у Б.Н. в больнице, он мне кое-что порассказал о том знаменитом Политбюро, которое заседало с утра до вечера по национальному вопросу.

Обсуждался доклад Андропова в связи с обнаруженным на Украине документом. Написан он еще в 1966 году группой националистов. Суть – против «русификации» и за отделение.

Между тем, как говорил на ПБ Пономарев, никогда за всю историю Советской власти не было такой «украинизации» Украины. Я, говорит, привел такой факт – ведь со времен Мануильского и еще раньше Пятакова и др. первыми секретарями на Украине были не украинцы: Коганович несколько раз, Постышев, Хрущев и др. Так было до Подгорного.

А теперь – единственное «деловое» и «политическое» качество при подборе кадров – является ли украинцем? Если да - значит, уже хороший. Это сказал Щербицкий, который гораздо резче и самокритичнее выступал на ПБ, чем Шелест.

Брежнев: Я, говорит, общаюсь с Петром Ефимовичем (Шелест) по телефону почти каждый день, говорим о колбасе, пшенице, о мелиорации и т.п. вещах. А ведь с 1966 года ему, и ЦК КП Украины известен этот документ, известна деятельность националистов, и ни разу ни одного слова он об этом мне не сказал. Не было для него тут со мной проблемы. Или: когда уже стало все это известно, поднимаю трубку, спрашиваю у Петра Нильча (Демичев), что он об этом думает. Он стал заверять, что ничего особенного, разобрались, мол, и т. д. Такова позиция нашего главного идеолога.

Вот так. А вообще-то надо смотреть в корень. К Брутенцу сходятся некоторые армянские и азербайджанские нити. И ему рассказывают, что нелюбовь и даже ненависть к русским растет на почве распространения убеждения (которое, кстати, широко внедряет сам местный партийный и государственный аппарат – как алиби для себя), что все идет плохо потому, что все сверху зажато, а там – вверху – сидят русские и руководят некомпетентно, неграмотно, глупо.

Отличие нынешнего национализма в том, что его главным носителем является именно национальный аппарат, а истоки его в том, что «бывшие колониальные окраины» живут много лучше, чем российская «метрополия», они богаче и чувствуют «свои возможности». Благодарность же – не политическое понятие.

<u>23 апреля 72 г</u>.

Когда начинается неделя, жду субботы и воскресенья. И так каждый раз: как свободы и отдыха, покоя. Но они всегда – дни метаний. Что-то прочтешь недочитанное, что-то полистаешь, переберешь. И все время хочется куда-то пойти, с кем-то встретиться, чего-то посмотреть – в музей, на выставку (вот давно Слуцкий зовет к подпольным художникам), к Дезьке (известный поэт Давид Самойлов) съездить в Опалиху, к Карякину, к Вадьке…

Это все попытки бежать от себя, укрыться в призрачном занятии. Потому, что нет дела в жизни, своего – вне службы. А служба – во многом – профанация настоящего дела: статьи и доклады для Пономарева, тексты для Брежнева и др. Иногда, правда, бывает и консультативное участие в определении каких-то реальных политических позиций (в отношении той или иной партии, комдвижения, каких-то вопросов внешней политики, каких-то акций пропагандистско-политического плана).

Скоро 51 год. Что сделано в жизни? Ничего в общем, заслуживающего для преемников. Хотя она прожита честно: не прятался от ответственности, других вместо себя не подставлял, защищал какие-то убеждения, когда не безнадежно было, не подстраивался ни под кого из начальства, тем более не помогал непорядочности и общественной глупости, презирал идеологических хапуг и делал все от меня зависящее, чтоб подставить им ножку.

А все-таки, своего, генерального дела нет, даже курса на диссертацию нет. И не только потому, что не уверен в своих силах, а, главным образом, потому, что весь собственный (и окружающих) опыт показывает бессмысленность всей этой, так называемой, общественной науки, никчемность самого ее существования и бумагомарания. Оттого и жизнь в научных институтах – это либо ярмарка тщеславия

и полового обмена, либо пошлая возня самолюбий и карьер под видом идеологической борьбы. Тошно.

Да и не только диссертацию – вообще писать (для публикации) ничего не хочется: слишком много знаю, и потому любое сочинение (а оно может быть только на «научно-политическую» тему) представляется как ложь перед самим собой и перед другими.

Конечно, графоманская привычка все время что-то писать вырабатывает, видно, в человеке чувство ремесленника (что бы ни делать, лишь бы делать, - заполнять страницы и быть довольным самим слово- и - абзацесочитанием). Но у меня такой журналистской привычки нет. Хотя косвенно она где-то присутствует: замечаю, что хорошо сделанная служебная бумага, безотносительно к ее реальной ценности, вызывает удовольствие.

Да, кстати, Брежнев на той неделе встречался с вьетнамским послом. В печати потом были всякие выражения солидарности и прочие. А в беседе контрпунктом было требовательное и настоятельное беспокойство (и просьбы передать в Ханой) по поводу того, что «мы ничего не знаем ни о планах предпринятого наступления, ни о его целях, ни о его реальном ходе» и т. д. Узнаём об этом лишь из публикуемых сообщений «нашего общего врага».

25 апреля 72 г.

Вечером – вместе с Шапошниковым – у Б.Н. в больнице. Разговор о предстоящей поездке в Швецию, о Бовине. Он сообщил, что накануне у него был Иноземцев[18], который обещал пойти к Суслову (по федосеевскому делу).

Принял Фриду Браун (жена одного из лидеров «здоровых сил» в Австралии, член ЦК новой Социалистической партии). Она заявила, что это «историческая встреча»: впервые представитель СПА принят в ЦК КПСС. Довольно храбро (без полномочий на то) выразил я ей поддержку и одобрение СПА, «вдохновил» – так держать! – против Аaронзов и К°.

Объявлено, что с 20 по 24 апреля в Москве находился Киссенджер, был принят Брежневым и Громыко.

А между тем, к нам в Отдел, идут отовсюду (в том числе от ученых Белоруссии) письма с требованием отказать Никсону в визите, так как он бомбит Вьетнам. Пожинаем плоды своей собственной пропаганды во время поездки Никсона в Пекин!

27 апреля 72 г.

Весь день сегодня был в напряжении: в бундестаге решалась судьба правительства Брандта. Барцель поставил на голосование «конструктивный вотум недоверия». Все зависело от одного-двух голосов. А до этого пару социал-демократов и «Свободных демократов» перекупили хедеэсовцы (ХДС). К счастью Брандт «победил», хотя и двумя голосами!

1 мая 72 г.

Был на Красной Площади. Медленно шел туда. Всякие мысли. А главная – «порядок»! Очищенные от народа центральные улицы. Уже у Кропоткинских ворот

---

[18] *Иноземцев – академик, директор ИМЭМО.*

– кордон милиции и дружинников, а потом - на каждом повороте. Боже, как много у нас милиции! И еще целые толпы дружинников. И это тоже – «порядок». Машины с пропусками на стекле, перед которыми расступаются кордоны, - это тоже «порядок». И то обстоятельство, что пассажиры этих машин (хотя им 15-20 минут пешего ходу до Площади), тем не менее едут, - это тоже «порядок». И цепи солдат и «добровольцев», образующие дефиле для колонн, уже на Манежной… Это все тоже элементы «порядка».

И речь Подгорного, состоящая из нужняка, затертых формул и банальностей, – это тоже символ «порядка», устойчивости – establishment! Более того, когда после речи над площадью громыхал «Интернационал» (через репродукторы, конечно), - со своим архаическим текстом, с почти неуместным и волнующим ритмом и музыкой, - это была также составная часть «порядка»: потому, что такое есть решение – исполнять «Интернационал», официальный революционный энтузиазм нужен для нашего «порядка», поди, вырази.

То, что происходило на Площади, это, конечно, большая абстракция (особенно это становится заметным, когда за полчаса до конца демонстрации, я стал спускаться по Кремлевскому проезду и видел вблизи остатки колонн, идущих навстречу…)

Но, зная, что – абстракция, все равно волнуешься. И сильно. И по многим причинам. Прежде всего – «физкультурный парад». Девки, здоровые, красивые в своих брючных костюмах разных цветов, все фартовые такие, показывающие свои сиськи, походку, волосы. Конечно, в них – ничего от идейности и романтизма 30-х годов. Но – в них здоровье, сила народа,… благополучие. Да, на этой демонстрации очень много хорошо и модно одетых молодых женщин (поражаешься даже какое количество красивых женщин может быть в одном месте) – по всему этому видно, что уровень благополучия уже довольно приличен. И это волнует. Приятны и мелодии, старые и новые.

А вообще у меня настроение было скверное после вчерашнего «разбора» отношений. К концу рабочего дня, как повелось уже перед праздником, Загладин зазвал к себе замов и «девок» – Лариса, две Лиды и Танька. Здорово выпили (виски, какая-то цветная литовская водка, еще что-то). Сначала все было нейтрально, а потом, когда Шапошников произнес тост за «авторитет Международного отдела», который, мол, никогда не был так высок, а я по этому поводу внес поправку, сообщив, как Глезерман задирал хвост на статью Вебера (консультанта Международного отдела) на редколлегии, помахивая при этом федосеевской брошюрой, - Кусков вспотел и стал злой.

Загладин предложил – для хохмы – тут же позвонить Глезерману и от имени (!) Теосяна предложить ему письменно представить «объяснение своего поведения на редколлегии». «Его, говорит, сразу инфаркт хватит». И пошел было к телефону, перелистывая блокнот с телефонами.

Вот тут-то и началась подлинная паника… с Кускова, который поддержал Шапошникова.

Я завелся. И орал, что Кусков меня всюду продает, а здесь произносит всякие речи о «единстве и сплоченности».

Бовин с Леной. Обедали вчетвером + Шишлин (консультант из Отдела соцстран). Он, наконец, разговорился и выдал, похожую на правду, версию его изгнания из ЦК. Дело восходит, оказывается, к чехословацким событиям 1968 года.

3 мая 72 г.

Бовин, как и я, знал за несколько дней, что вторжение произойдет. И написал Андропову о возможных последствиях. Тот послал Брежневу, но до него это не дошло, застряло у Александрова (очевидно потому, что не хотел портить игру. Уверен я, что в настраивании Брежнева на вооруженное вмешательство «Воробей» сыграл едва ли не первую роль. Помню, где-то за месяц до 21 августа в его кабинете, когда я вновь поспорил с ним из-за Чехословакии, он мне гнусно пропел: «А что, Анатолий Сергеевич? Может, уже скоро и войска придется вводить!»). Ну так вот. После вторжения Бовин вновь написал письмо Брежневу. Теперь уже с некоторыми фактами, подтверждающими его прежнюю аргументацию. И вновь оно осело у «Воробья». А теперь он это, видимо, пустил в ход, - ему надо было ликвидировать «концепцию» Цуканова о создании группы консультантов при Брежневе, главой которых должен был стать Бовин, а я – его замом! (По утверждению Бовина). И навязать свою концепцию – расширение числа помощников.

Это его «дело» сомкнулось с потребностью Катушева, которому предстояло стать зав. отделом. Он не хотел иметь в Отделе Бовина, - слишком непослушный, не любит черной работы, да к тому же имеет прямой выход «наверх». Катушев знал от Биляка (а тот – от бывшего посла Чехословакии в Москве Хноупека, с которым Бовин чуть ли не каждый месяц пьянствовал и ходил к нему, как домой) о позиции Бовина в чехословацких событиях. Более того – Биляк не раз выражал Катушеву «удивление», как такой человек может работать в ЦК, да еще быть близок к Брежневу!

Так и сошлись «две линии», - в перекрестье они и дали изгнание Бовина.

2 мая – провел с Карякиным. Он напился до помрачения. Главная тема – федосеевское дело и реакция разных людей… Большой мат.

Сегодня – работа над материалами для Б.Н. о 50-летии СССР. На политическом уровне очень серьезная вещь. (В основном сработал Соколов, но Б.Н.'овские идеи тоже очень «смелые», например, о соединении в Китае диктатуры пролетариата с буржуазным национализмом!)

Б.Н. одобрил доклад о Димитрове.

Вебер потерял пропуск в ЦК – просто беда. Жалко Сашку, да и вообще очень некстати.

4 мая 72 г.

Принимал молодых чилийских специалистов. Перед отъездом домой – учились в Леншколе 3 месяца. 7 человек, одна прелестная девчонка. После революционных речей рассовали по карманам конфеты из вазочек со стола.

Дурацкий прием в посольстве ГДР.

7 мая 72 г.

После приема в посольстве ГДР походили с Жилиным. Он распространялся на тему, что не тем мы занимаемся в Международном отделе. Если бы не обслуживание Б.Н. докладами, статьями и прочим, куда уходят лучшие творческие силы, время, энергия, - мол, могли бы выдавать аналитические разработки о комдвижении, готовить инициативы, обдумывать стратегию нашей политики в МКД.

Я возражал: если б не Б.Н. и его претензия выступать в роли теоретика, что бы мы вообще делали? Занимались бы текучкой, как в братском отделе (по соцстранам). Напомнил Жилину, что по крайней мере с 1966 года не раз предпринимались попытки серьезно проанализировать состояние МКД и нашу стратегию в целом. Даже однажды предполагался специальный Пленум ЦК. Где это все? – У меня в сейфе, мертвый груз, корзиночные усилия.

Не нужно все это «начальству». Комдвижение сейчас – это не более, чем идеологическая приставка к нашей внешней политике, архаичный «аргумент», что мы все еще «идеологическая величина», а не просто великая держава. Комдвижение, как самостоятельная сила, со своими законами и задачами – одно неудобство для нас. Лучше его не замечать в качестве такового, хотя с некоторыми партиями, как суверенными величинами, иногда нельзя не считаться. И поэтому – полный идеализм предлагать объективный анализ и из него выводить стратегию МКД.

Говорю Жилину: Вот уйдет Б.Н., дадут кандидата наук Червоненко (бывшего посла в Чехословакии), много ты будешь заниматься «проблемами»?! Достаточно было так поставить вопрос, спор исчез.

Попросил Сашу Галкина (прелесть – человек!) одготовить статью для «Коммуниста», которая, конечно, никогда не будет опубликована, тем не менее, нельзя отступаться от изложения credo, раз Егоров, заказав, поймался на этом.

Между прочим, статья-то была заказана мне и Жилину. Однако он, сославшись на личные мотивы, попросился отлучиться… и не участвовать в обсуждении плана статьи – для чего я и пригласил Галкина.

Словом, Жилин «отруливает» от борьбы. И если б он не был просто болтуном, как я теперь окончательно убедился, можно было подумать, что он просто занимался провокацией, когда при начале конфликта с Федосеевым настаивал на том, чтоб к вопросу о «структуре рабочего класса» добавить еще вопрос о множественности партий, которую вопреки позициям КП Федосеев осудил, как ревизионизм.

Вчера вечером поехали к Красину (я, Вебер, Галкин). Пили мою «смирновскую» водку с красинским (финским) джусом из клюквы.

Читаю Збигнева Бжезинского «Между двумя веками»!

8 мая 72 г.

Накануне дня победы. Сижу дома. Поправил верстку статьи «Тимофеева-Черняева», изучаю материалы к поездке в Швецию.

Никак не могу отделаться от чувства горечи от последнего разговора с Жилиным. Мне стыдно было за него, когда он «отпрашивался» перед встречей с Галкиным по статье.

Но он отражает общую для почти всего моего окружения тенденцию. Ведь я начал борьбу с Федосеевым по их инициативе. (Красин, Вебер, Соколов, люди из институтов). Они обратили мое внимание и на статью в «Коммунисте» и на брошюру, на опасность всего этого. Я взял главную роль на себя.

И по мере того, как развивались события и становилась ясной опасность этой борьбы и замаячила угроза поражения, началось отпачкование. Да и в самом деле – одному скоро докторскую защищать, другому – реабилитироваться от обвинения в ревизионизме, третьему – закреплять свои аппаратные позиции. Стоит ли из-за какой-то там «структуры рабочего класса» ставить под вопрос свое положение и свои перспективы?

Вчера днем зашли с Элкой в кино повторного фильма, что у Никитских. Смотрели «Бумбараш» с Золотухиным. Это по Гайдару. Дух тот же, что и «В огне брода нет», «Белое солнце пустыни» и некоторых других. В условной манере, несколько даже шаржированно выражается здесь с большим искусством первородная наша революционная идейность. Это – явно реакция молодого поколения на конформизм нашего истеблишменского, нашего устойчивого и упорядоченного бытия, а также против цинизма тех, кто официально исповедует ленинизм, а в жизни давно уже руководствуется совсем другими мотивами. Здесь – «конфликт поколений», в котором очень ясно угадывается социально-идейная напряженность в нашем обществе.

Недаром, все такие картины выходят в свет с большим скрипом, с купюрами, а идут мало, на окольных экранах. Лапин, Романов, Катька[19] и др. достаточно умны, чтоб не понимать в чем дело.

Как-то корреспондирует с этим то, что мне вчера рассказала Генька. У нее была экскурсия – 5 класс какой-то московской школы. Мальчик, очень интеллигентный, серьезный и дотошный, ей сказал: вот у нас возле школы есть два дома – XYII века, на них написано, что они памятники и что они - на содержании государства. А какое же это «содержание», если там все загажено, разбито, запущено?... Потом: при переходе от «объекта к объекту», она его спросила – ты, что древностями интересуешься. Нет, - ответил он, - Я занимаюсь 1937 годом!

Генька, потрясенная, сначала сделала вид, что не понимает. Он ей: «А, Вы, что не знаете, что такое 1937 год? – Ну, и как же ты этим занимаешься, где ты достаешь материалы и т. д.? – Да, это трудно – достать что-либо. Но я не отступлюсь. Я должен узнать, как это стало возможным, чтобы было уничтожено столько невинных людей, борцов революции, ленинцев?!» Это – пятиклассник.

9 мая 72 г.

День победы. Жуткий день. В нем будто концентрируется вся юность, все главное в жизни, вся твоя значимость реальная и самоуважение. И хочется куда-то вырваться, что-то сделать, побыть с людьми… С какими? С кем?

Вчера я весь день был с Колькой Варламовым.[20] Походили вдвоем по улицам. Рассказал я ему все свое. Потом стали пить, пьяные провожались до его дома. А сегодня уже не сошлись и даже не позвонили друг другу: то ли у него дела, то ли у меня – сознание ненужности портить вчерашний день, потому что делать нам друг с другом больше нечего.

А состояние полного отчаянья – от беспощадной одинокости, из которой невозможно вырваться. Анька (дочь) даже не поздравила меня с праздником. Генька тоже. Из жалости к ней, из врожденного чувства долга, из привязанности к ее беспомощности – я самым пошлым образом гублю все свое, так называемое, «свободное время». У меня столько возможностей видеться с интересными людьми, быть в очень содержательном обществе, такая, резко усилившаяся в последние годы, тяга к интеллектуальному потреблению (особенно через картины – когда в декабре я был в Ленинграде, высшее наслаждение и самое сильное впечатление - «Русский музей», в котором я был около десяти раз, а запасник оставил просто ошеломляющее впечатление) – при всем этом я бессмысленно просиживаю субботы и воскресенья

---

[19] Лапин – председатель Гостелерадио.
Романов – зав. отделом культуры ЦК КПСС.
«Катька» – Фурцева – министр культуры СССР.

[20] Фронтовой друг. Сотрудник Общего отдела ЦК КПСС.

(когда они свободны) в своей комнате (а она лежит в своей) только ради того, чтоб не обидеть, чтоб она была спокойна и… , чтоб я сам не испытывал комплексов. Идиотизм.

Сегодня – в такой день – меня звал Любимов на юбилейные «Зори здесь тихие», а затем на праздничный капустник на Таганке. Ох, как мне хотелось там быть среди этих людей, которым я чем-то нравлюсь, во всяком случае они мне всегда рады. А сами они талантливы и веселы.

Но я просидел дома – читал Бжезинского и изредка подходил к телевизору, за которым сидела Генька и смотрела пошлый концерт из театра Советской Армии.

Двухчасовая прогулка с Брутенцем по Москве. Кстати, она на этот раз довольно пустынна. Он рассказал о поездке с Кусковым в Венгрию (по делам антиимпериалистического конгресса).

Впечатления: бурная экономическая активность, завалено все товарами, видимое и явное благополучие. Но от него больше имеет «средний класс» и интеллигенция, много меньше – рабочие. Увеличивается разрыв, растет и внутренняя напряженность. Идеологическая «распущенность», хотя стриптизы прикрыли. В аппарате, как и в верхушке партии – уже «мы» (здоровые силы) и «они», которым «Москвичей» и «Волг» мало, им «Мерседесы» подавай. Предсказывают «нечто», если так будет продолжаться еще год-полтора.

После того, как насытишься Бжезинским «Между двумя веками» (он все видит, все понимает, очень глубок и беспощаден) – становится совсем невозможным что либо серьезное писать в печать. Все будет немыслимой пошлостью, демагогией, ложью. А опровергать его можно только логически; т.е. показывая несовершенство его анализа, метода, но опровергать фактически… Нет таких фактов, есть только страстное желание не соглашаться с его умозаключениями и прогнозами.

<u>21 мая 72 г.</u>

Вчера вечером вернулся из Швеции. Официальная делегация ЦК (Зимянин – Дризулис из Латвии – я). С 1964 года не было такого. А было: с приходом Херманссона в качестве председателя ЛПК[21] – жесткая, без оглядки критика нас за «сталинизм», промежуточность между нами и китайцами с симпатией больше к ним, отказ от связей с другими партиями, с нами в первую очередь; потом – Чехословакия и публичное требование Херманссона разорвать с СССР всякие отношения, «разоблачение» телевизионщиком Шрагиным Херманссона, как мужа миллионерши – еврейки (кстати, я ее там видел, прекрасная баба, умница, а Ворожейкин[22] утверждает, что если б не она, никогда бы Херманссон не стал коммунистом, к нам она относилась всегда с искренней любовью). Говорят, что когда после этого налета Шрагина, журналисты спросили Херманссона, как он это оценивает?.. Он ответил: «Я знал, что теперь меня «осудят там», но не предполагал, что так «низко это сделают».

Так вот: теперь, после поворота в обоюдных настроениях, они нас пригласили. С 14 по 20 мая. Чтоб все описать, потребуется целая тетрадь.

Пунктирно.

Аэродром Arland: посольские, в последний раз симпатичный и все знающий М.Н. Стрельцов (советник посольства, его перемещают в Финляндию), вице-председатель ЛПК Вернер, Урбан Карлсон (секретарь ЦК), Мерклюнд с двумя девочками (возможно дочерьми Вернера).

---

[21] *Левая партия коммунистов Швеции.*

[22] *Ворожейкин – референт Международного Отдела ЦК, специалист по Швеции.*

Потом хозяева оставили нас на этот день в покое – воскресенье. С послом по городу: виллы, парк, верховые, телевизионная вышка. Вечером в «Лидо» (Зимянин, Ворожейкин, я, Яхонтов – корреспондент «Правды»): порнофильмы, перемежающиеся живыми сценами в натуре.

15 – понедельник. Первая встреча с руководством ЛПК: Херманссон, Вернер, Фортберг, Карлсон, Юханссон. Неожиданность для Зимянина, приготовившего «рассказ о работе КПСС после XXIY съезда»: Херманссон просто стал задавать вопросы и первый из них: Никсон едет в Москву, он же минирует Хайфон, война во Вьетнаме разрастается… На нас, мол давят со всех сторон, просят разъяснений. (В Швеции вьетнамское движение – самое мощное в мире. Это отражает и уровень ее реального демократизма, демократического сознания и ловкость политиков, которые сумели мобилизовать и использовать этот фактор).

Зимянин понес нечто бессвязное, причем все громче и громче. Иронические улыбки сменились вскоре откровенной скукой. Поскольку я имел возможность немножко подумать, пока говорил Зимянин, попросил заменить его. Он с разбегу, совсем уже запутавшись, согласился и я за 5-7 минут попытался внести некоторое облегчение.

Завтрак. Ворожейкин-Пальме (председатель СДРПШ, премьер-министр).

Вечером – в отеле «Карлтон» – встреча со Стокгольмской организацией партии: Юханссон с лицом черепахи, «организованный противник» курения и вина, 10 лет назад отказался служить в армии, присудили месяц тюрьмы, сейчас он выбирает, в какой тюрьме отсидеть и когда: во время отпуска или в рабочее время. Все это разрешается, так же как два «выходных» в месяц для всех заключенных.

Его зам – врач, длинноволосый и неопрятный. Говорят, прекрасный оратор, но весь его вид – слюнтяя и губашлепа недозрелого – не вызывает доверия. Леван (член секретариата). Оба эти – «академики» , т. е. интеллигенты. Остальные 10 – рабочие, в том числе – члены ригсдага. Один из них – парень лет двадцати семи, «идеолог» пролетарского начала, презирающий «академиков». Всякие там идеи ему до фонаря. Он строитель, зарабатывает не хуже врача, того самого, у него дом, машина, он «свой» в профсоюзе, который – настоящая сила, он депутат и имеет веский голос в муниципалитете. Считает, что и всем такими следует быть.

Был там еще бывший испанский интербригадовец (62 года, на пенсии). Одно время сидел якобы за шпионаж в нашу пользу. А последние годы был самым крикливым антисоветчиком. Теперь потеплел.

Разговор Зимянин вел более уверенным, чем поутру. Однако, уже сильно проявилась другая нота: покровительственный тон, фамильярность, начальственные (дурацкие) шуточки.

Темы: опять Никсон и Вьетнам, потом – о молодежи. Зимянин, а потом Дризул долго рассказывали им, как плохо живет молодежь в США и какой там бич – наркотики.

16 вторник. С Карлссоном готовили коммюнике.

Встреча в ригсдаге с комфракцией. Зимянин основы политики КПСС изложил довольно складно.

Манера, которая портит его же собственные речи и заявления: раз сказав что-то, подчас удачно и впопад, он увлекается успехом и начинает комментировать самого себя, - становится смешно и скучно, а потом и очень неловко, особенно когда (а это случалось почти без исключений) появляется тон поучения, накачки, разъяснение банальностей сверху вниз, словом ликбез.

После завтрака – социал-демократы: генсек Андерссон, секретари Карлссон и Туннель. Атмосфера совсем иная, чем у коммунистов. Там – натужная серьезность,

за которой скрывается чувство неполноценности, разногласия между собой, которые хотят скрыть, недоверие к нам, настороженность. Здесь – уверенность в своей силе, ни малейших опасений, что от общения с нами может пострадать «независимость» партии: поэтому открытый, доброжелательный тон, шутки, ирония, «самообшучивание». (Сбегав раза 3 во время беседы с нами в зал, где шло парламентское голосование, Стэн Андерссон заявил «грозно» – надоела ему эта кнопочная война, он теперь против парламентской демократии, которая мешает спокойно поговорить с друзьями). Охотно рассказывают нам о своих делах, о межпартийной борьбе, дают характеристики разным деятелям и т. д.

Зимянин был, кажется, немного ошарашен, нам-то с Ворожейкиным не впервой, мы действительно уже «друзья» и держались они потому так. А Зимянин, видимо, впервые близко увидел социал-демократов такого ранга в таком добродушном расположении. Он еще в Москве меня с беспокойством спрашивал: что мы им будем говорить, если они спросят, почему мы их считаем «предателями рабочего класса».

Вечером улетели в Гетеборг. Было холодно, а я не взял плащ.

22 мая 72 г.

Сегодня прилетел Никсон. Но я доскажу о Швеции.

В гостинице за пивом первая «дискуссия». Хагель – председатель окружной парторганизации. Я выпустил большую обойму о жертвах советского народа на алтарь интернационализма.

Утром 17 мая – поездка по городу, кварталы, подлежащие сносу; вид на город с холма, на котором стилизованная церковь викингов (1912 года), но прекрасная; летящий мост через реку Гета-Эльве; порт, верфи, новые кварталы, город-спутник с торговым центром в середине. Но вот плохо, что нет театра, кино и проч. – коммунисты очень критиковали за это муниципалитет, заметив, кстати, что у каждого жителя тут автомобиль и до центра – 10 минут.

Народная библиотека – чудо современной культуры, и, как мы бы сказали, «культурного обслуживания» на основе электронной техники, большой фантазии и изобретательности персонала, их искренней, я бы добавил, идейной преданности делу народного просвещения. Все – на средства муниципалитета. Государство – ни ерика.

Завтрак в ресторане с мэром Хансеном (бывший моряк). Большой и веселый человек из крупнобуржуазной партии, друг СССР. Его рассказ о том, как студенты, подражая парижанам, в 1968 году захватили пивозавод и требовали проведения «пивопровода» в рабочие кварталы и студенческие общежития. Интервью директора завода прессе во время «брожения».

Завод «Volvo»! 60% иностранных рабочих.

Обед в «красном ресторане» с Хагелем и другими. Интересный разговор – начало дискуссии.

Официальная встреча в правлении окружной организации коммунистов. Зимянин очень громок, запальчив, многословен. Мои интервенции по Никсону и Вьетнаму, по Солженицыну, Чили и «революционная целесообразность» и по поводу «свободного выражения мнений».

Уже поздно – встреча с местной организацией портовиков. Пролетарии, бойцы коммунизма в условиях, когда всем прилично живется. Самоотверженные простые люди. Это наследники «партячейки №1» Компартии Швеции, возникшей в 1917 году, – самая старая после большевиков.

Длинно и задиристо Зимянин.

Мои замечания по кризису капитализма, по экономическим связям СССР с капиталистическими странами, что якобы мешает революционному процессу в этих странах; по Никсону – Вьетнаму.

Длинная худая девушка смотрела на меня большими удивленными глазами. Всего человек 150 было.

18 мая утром улетели в Стокгольм. Работа над шифровкой в Москву. Встреча с Пальме в ригсдаге: прошли – даже никто не интересовался, куда и зачем идем.

О Пальме посольские рассказывают удивительные (впрочем, для нас, а не для шведов) истории – о том, как его с дочерьми затолкали в толпе на стадионе; как затаскали по судам за то, что проехал на красный свет и в комиссариате крупно оштрафовали; как он за рулем каждую неделю ездит к избирателям и т. д.

Умный, острый, компетентный человек 42-х лет.

Все разговоры Зимянин провел хорошо. Один раз только не удержался и повоспитывал Пальме насчет интернационализма.

Затем заключительная встреча в руководстве партии. Впрочем, до этого утром сидели с Карлссоном (на этот раз с социал-демократическим, их там очень много Карлссонов!) по коммюнике в гостинице, просил выкинуть насчет «совместной борьбы против антисоветизма». Довольно мирно все кончили. Позавтракали вместе в самообслуге ригсдага.

Зимянин уехал.

Вечером прием в посольстве. Дурацкое мероприятие. После – один в non-stope. В основном лейсбиянская проблематика.

В Ратуше. Завтрак. Разговор с главой муниципалитета – коммунистом (забыл фамилию). Искренне и про все. Потом покупка в sex- shop'е искусственных членов. Очень дорого – ушла половина наличной суммы.

У Викмана (министр иностранных дел). Говорил я. Очень интересная беседа: об экологии, о судьбах Европы, о социал-демократии, о единении с коммунистами, о Брандте, об отношении СДПШ – КПСС, о том, что Викман с Пальме очень довольны, что мы все разъяснили «их коммунистам». Об опасности фашизма и кто виноват в попустительстве ему.

Секретарь Викмана все записывал в большой блокнот.

Поездка в загородный торговый центр с Яхонтовым (Юлий Алексеевич) и его Ириной. Мило.

20-го утром – по магазинам.

Самолет опоздал (сломался в Осло). Образовались лишние 3 часа. Разговор на чистоту под коньяк и орешки с У. Карлссоном (коммунистом): про партию Центра и угрозы фашизма, про острые противоречия в партии, про опасность заговора Вернера-Фрошберга против Херманссона. И т.д. Он оказался много умнее, образованнее, глубже, чем я его представлял ранее.

Отлет.

<u>3 июня 72 г.</u>

Две недели не мог даже открыть эту книжицу.

Два ряда событий… - от них будет много зависеть, хотя смешно даже их ставить рядом. Но они произошли именно в эти две недели.

Приезд Никсона и продолжение федосеевского дела (о нем, как я уже ссылался, подробно в книге «Моя жизнь и мое время»).

В своем честолюбивом стремлении утвердиться в качестве главного идеологического цензора в стране и в партии и умостить себе дорогу к посту секретаря ЦК, Федосеев стал добычей Трапезникова (которого он совсем недавно люто ненавидел) и Демичева.

Эти же двое давно уже организуют идеологическую кампанию вполне сталинистского свойства. Первый – в силу культового фанатизма, может быть даже шизофренического комплекса рассматривать всех несогласных с «Кратким курсом» как врагов народа, в лучшем случае – как ревизионистов.

Второй – потому, что он давно понял, что может удержаться в данном ему судьбой положении только в качестве фельдфебеля в Вольтерах.

Признаки их хорошо продуманной линии (где все средства хороши) обнаруживаются почти повседневно. Но в сфере науки в последнее время - в трех очевидных фактах:

1. Эти двое и их аппарат (в том числе аппарат Московского горкома партий – Ягодкин) превратили в злую карикатуру (на самом деле очень серьезное и полезное) постановление ЦК об Институте экономики АН СССР (фактически о постановке и задачах экономической науки в нынешних условиях). Они организовали на основе этого постановления сведение личных счетов, главным образом с помощью разжигания антисемитизма, использовали его для насаждения своих беспринципных клевретов на ключевые посты, для создания в научных институтах (не только экономических) атмосферы запугивания, подхалимажа, зажима, циничного до анекдотизма.
2. В исторической науке была организована травля Волобуева – директора Института истории СССР. Я знаю его больше 20 лет . Это большой проныра и оппортунист (в бытовом смысле слова). Но заподозрить его в «свободе мысли» и в «ревизионизме» – просто смехотворно. Однако он по старой дружбе и в силу реноме, которое помогло ему стать тем, кем он стал, - связан с большой группой творческих историков, с теми, кто составили надежду на действительное развитие советской исторической науки в современных условиях. Именно поэтому против него организовали кампанию, чтоб «снять голову группе». Из затхлых углов вытащили замшелых культовиков (типа некоего Петрова), которые давно уже используются как наиболее оголтелые реваншисты против XX съезда. Натаскав соответствующих цитат из сочинений «ревизионистов», они полезли на кафедры и трибуны, на «симпозиумы» и «научные сессии» с разоблачениями.
3. И, наконец, - в этой струе подсуетился Федосеев. Воспользовавшись необходимостью ударить по Гароди, он и его ближние решили разоблачить местных ревизионистов. Рамки трапезниковского наступления на науку и на интеллигенцию сразу сильно расширились, включив значительную группу специалистов (и целые институты), занимающихся проблемами капиталистической экономики и рабочего движения. В этом деле Федосеев замыслил убить одновременно и еще одного зайца (для ради утверждения своей идеологической монополии): косвенно нанести удар по «ревизионизму» в компартиях (пусть по частному вопросу – о структуре рабочего класса). Показав тем самым, что именно он, а не Международный отдел ЦК(который идеологически до безобразия распустил комдвижение) может вести принципиальную партийную линию в МКД.

Таковы три направления атаки.

Однако, проблема выглядит еще шире. В этом меня убедил разговор с моей старой приятельницей Иркой Огородниковой. Она всегда была в центре литературной и всякой иной интеллигентской Московии. Работает она в одном из толстых журналов.

Так вот, она говорит, что узнала о «конфликте на Старой площади» от людей, которые не только не знают, кто такой Черняев, а уж о «структуре рабочего класса», вообще не слыхивали, с чем это едят. Однако слышала, что «на Старой площади» происходит что-то очень серьезное. Исконная вражда между отделом науки, отделом пропаганды и отделом культуры с одной стороны, и Международным отделом с другой, выплеснулась вдруг в открытом конфликте. И речь, мол, идет о двух несовместимых линиях: - «линии интернационализма и прогресса» и – «линии шовинизма, антисемитизма и сталинистской реакции».

Ушлая прагматическая интеллигенция сделала для себя выводы: пока не высовываться, затаиться, подождать, чья возьмет. А некоторые кое-что предприняли – задерживают кое-какие статьи, а авторы отзывают кое-что на «переделку», на выпуск в свет дают банальщину, к которой ни с какой стороны не придерешься. Пикейные жилеты и кофты считают, что если Федосеев возьмет верх, - наступит эпоха второго Победоносцева, си речь – Трапезникова.

Подготовлена статья к 3-х летию Совещания[23]: политическая галочка, что «в условиях Никсона» мы не забываем об МКД. Архаические банальности, но никто не знает, что делать с движением. Его старое содержание просто ликвидируется с помощью новой практики.

Так и с Вьетнамом. Кажется, «Гардиан» удачно сказала, что жизнь уже не может не идти мимо этого «хронического конфликта», который становится непонятен.

Аналогия с Испанией 1939 года явно не подходит. Но почему-то она то и дело приходит на ум.

Но я обещал вернуться к визиту Никсона. Немыслимо даже в крайне спрессованном виде передать тот поток мыслей, который возник в мировой печати в связи с этим. Я процитирую здесь заключительный абзац из выступления Никсона в конгрессе через час после его возвращения в США.

«Америке представилась беспрецедентная возможность. Еще никогда не было такого времени, когда надежда была бы более оправданной, а наша самоуспокоенность более опасной. Мы положили хорошее начало. И поскольку мы сделали первый шаг, история ныне возлагает на нас особую ответственность за доведение этого дела до конца. Мы можем использовать этот момент или упустить его, мы можем воспользоваться этой возможностью для возведения нового здания мира на земле или дать ей ускользнуть. Поэтому давайте вместе воспользуемся этим моментом, чтобы наши дети и дети повсюду на земле освободились от страха и ненависти, которые были уделом человечества на протяжении многих столетий.

Тогда историки будущего, оглядываясь на 1972 год, не напишут, что это был год, когда Америка поднялась на вершину переговоров на высшем уровне, а затем вновь спустилась в долину. Они напишут, что это был год, когда Америка помогла вывести человечество из низины постоянной войны на возвышенность прочного мира».

---

[23] *Совещание коммунистических и рабочих партий, проходившее в Москве в 1969 году.*

У нас это, разумеется, не было опубликовано. Думаю, что суть наших оценок произошедшего сводится в конечном счете к этому же. Только мы выражаемся на идеологическом языке.

Однако этот язык не случаен. Во первых, потому, что представление о себе как об идеологической державе (= части МКД) пока еще остается элементом нашей реальной силы (мифология тоже ведь была силой в свое время). Во вторых, потому, что от идеологии кормится у нас огромная, многомиллионная армия людей, очень влиятельной части нашего общественного и партийного механизма, которую со счетов не скинешь. Так же, как в свое время – церковь. В третьих, за годы и десятилетия управляемой пропаганды мы в состоянии представить себе и другим, то или иное политическое явление только в привычных идеологических терминах.

В этой связи – характерный эпизод. 28 мая Зигель пригласил нас с Генькой к себе на празднование (!) 300-летия со дня рождения Петра I. Само по себе все это придуманное Феликсом действо было остроумным и содержательным. Сам он говорил только по старославянски etc. Но не в этом дело.

Среди гостей были две пары: один геолог с женой, другой – довольно известный писатель-фантаст Казанцев. Оба бородачи. Как раз, когда мы там веселились, началась передача Никсона по телевизору. Все прослушали и… Какова же была реакция этих бородачей: лицемер и болтун, распинается о мире, а сам убивает вьетнамских детей, дипломату и язык дается для того, чтобы скрывать свои мысли и т. п. Обычные заключения человека с улицы. И таково же, надо сказать, было массовое восприятие Никсона.

Как бы там ни было, а рубикон перейден. Великий рубикон всемирной истории. С этих майских недель 1972 года будут датировать эру конвергенции: не в том пошлом значении этого слова, каким его представляют наши идеологи типа Федосеева, а в его объективно революционном и спасительном для человечества смысле.

Сейчас наша печать перестала шуметь о борьбе против империализма и т. д. Это, конечно, конъюктурно-дипломатическая ситуация, но когда-то она станет реальной действительностью. Да! – благодаря нашей нынешней силе.

Вот некоторые конфиденциальные иллюстрации этого вывода. 29 мая я был вызван (вместе с Шишлиным из братского отдела) в Секретариат (Пономарев, Демичев, Капитонов, Катушев) и получил задание готовить к 31 числу речь Брежнева для Политбюро по итогам советско-американских отношений. Кроме того, я и до этого читал некоторые записи бесед Брежнева с Никсоном. Отмечу лишь главное из того, что я узнал за эти два дня работы «наверху» и для «верха».

Так вот о Никсоне, что помню. Наедине Никсон сказал Брежневу (в связи с КНР): «Помните и верьте мне, я никогда ничего не сделаю, что повредило бы Советскому Союзу».

Уже в самолете (когда летели в Киев) Киссинджер сказал Добрынину (для передачи, разумеется): «Президент огорчен исходом экономических переговоров. Мы, понятно, скованы – фирмы не хотят, им не выгодно. Но мы сделаем все, чтобы уже в этом году заключить торговый договор. И он будет вам выгоден. Уверяю вас».

Может быть и в самом деле Киссинджер и Никсон – адепты концепции, столь широко пропагандируемой «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» – полагают, лучший способ установить всеобщий мир на земле, во всяком случае – не допустить ядерной войны, это – поднять благосостояние советского народа до американского уровня, со всеми вытекающими последствиями.

Киссинджер сказал также Добрынину, что президент предложит вам осенью такое (в сфере разоружения) , что должно «вам очень понравиться».

Между тем, в письме ЦК к партактиву по итогам визита Никсона, наряду с деловой информацией и «взвешенными», быть может, объективными оценками (взятыми из письма ЦК братским партиям) содержится обзор «писем трудящихся» по поводу выступления Никсона по телевидению. Мол, лицемер, верить нельзя, говорит о мире, а сам в это время убивает женщин и детей во Вьетнаме. Сопровождается это похвалами в адрес политической зрелости советских людей. Так мы сами себе подвешиваем на ноги идеологические гири, которые будут очень мешать нам идти по, казалось бы, правильно найденному, наконец, пути. (Иной – безумие).

Впрочем, может быть, здесь и полубессознательное стремление сохранить статус идеологической державы (наше отличие и пока реальный фактор нашей силы). Однако, делается это, что называется, «по-Демичевски», т.е. пошло и глупо, без прицела на будущее, с расчетом не на два, а едва полхода вперед.

Тито. Был в Москве со своей Йованкой (которая стала несколько громоздской, но еще в свои 60 с лишним вполне аппетитная, да к тому же в мехах и бриллиантах).

В контексте Никсона прошли германские ратификации и приезд Тито. Демонстративное радушие, дружба, уважение, даже некоторое почтение к нему – событие примечательное. Какая-то газета, кажется «Observer» писала, что визит означает, что в новой обстановке, когда «великие» договорились о status qwo, Тито уже невозможно будет так ловко балансировать между «двумя», как это он делал 20 лет с лишним. Вот он и сделал выбор (учитывая свои внутренние трудности). Может быть, может быть…

Однако, я вижу и другое: отныне «югославский ревизионизм» перестает быть фактором нашей внутренней идеологической политики. Им теперь можно пугать только на ушко! А ведь Тито не пошел в Каноссу. В своей публичной речи на «Шарикоподшипнике», опубликованной в «Правде», он трижды говорил «о самоуправлении», очень много – о невмешательстве и суверенном праве каждого, один раз, но веско – о разнообразии форм социализма, о социализме вне границ как общемировом явлении, а не как системе государства и т. д., и ни разу о заслугах Советского Союза в мировых делах, о советско-американском сдвиге.

Шишлин мне говорил, что при составлении совместного коммюнике пришлось много помучиться.

Прием по случаю Тито. Федосеев – Йовчук! Панкин, Ягодкин, треп с Чаковским. Знакомство с Ириной – женой зам. министра иностранных дел Толи Ковалева, еще какая-то белокурая, чья-то жена, где-то были знакомы. Самотейкин сообщил, что что-то не так было изображено в письме ЦК к коммунистам по поводу Никсона. И «Воробей» стал за это ругать меня в присутствии Б.Н. Но тот отрубил: «Черняев к этому не имел никакого отношения».

Жена Пономарева – в процессии начальства во главе с Брежневым, Тито, Подгорным. Самая красивая среди всех присутствующих баб.

11 июня 72 г.

Вроде выгнали из партии Булата Окуджаву. За то, что эмигрантские «Грани» опубликовали чего-то из него, а он отказался облаять их за это в «Литературке». Более того, говорят он послал в «Грани» благодарственное письмо. Странно это. Плохо верится.

19 июня 72 г.

В понедельник смотрел на Таганке (еще не разрешенную, просмотровую) – «Под кожей статуи Свободы» по Евтушенко. Любимов – в блеске (и уже полном своеобразии) таланта. Я его потом в присутствии Евтушенко, Наровчатова и еще кого-то лобызал. Это по-настоящему талантливо, ни на что непохоже. Везде – хитро подцензурный адрес: изобличается Америка, но почти в каждой строке – «ассоциативность», иногда до хулиганства (в любимовском духе). Кое-что я ему потом сказал (про Кеннеди, про «никакая я не анти…», про Христа и т.п.). А вечером перед Элкой изображал кретина кандидата наук из культуправления: как бы он перед своим начальством «доносил» об этой насквозь антисоветчине. Даже при моем «даре» мимикрии, это изобразить очень просто. Она хохотала. Но крыть ей было нечем. Я заводился все больше. И, наконец, сказал ей: я очень боюсь и за ваш спектакль, и за вас… Очень боюсь, что появится такой вот кретин, даже не обязательно кретин, а, например, Александров-Агентов (при всей его культуре и уме) – сверхпринципиальный сторонник «порядка». Посмотрит и скажет: поразительная вещь – в 1972 году, в центре Москвы, открыто демонстрируют антисоветскую вещь, а все делают вид, что ничего не происходит. И – хана вам!

Но ни из управления культуры, ни из министерства культуры – те, кто разрешили выпустить спектакль на публику (не дав еще официального разрешения на премьеру) - не говорят ничего подобного, жмутся, намекают, но открыто не отваживаются сказать то, что на самом деле думают. И получается замкнутый круг взаимообмана:

- Любимов (вместе с Евтушенко), изображая Америку, сознательно хочет сказать зрителю, общественности, что он думает о наших порядках, о нашей общественной морали, о наших властях. А когда его пытаются деликатно поправить, он переходит в атаку: «Как вы могли подумать! Ведь тут же точно названо, кто имеется в виду!»

Власти («культурные представители») сознательно делают вид, что они не замечают сути любимовского замысла. Они не осмеливаются это сказать и на этом основании зацепить спектакль, потому что это действительно дико – открыто и публично заявить, что в инвективах против Америки они увидели себя и окружающую их жизнь!

- Но вместе с тем, они понимают, что это все на своем уровне цинично может сказать какой-нибудь Александров. И они будут гореть синим огнем. Поэтому они боятся разрешить спектакль полностью.

Это лицемерие – печальный результат, когда обществу не дают заглянуть в зеркало, хотя всем и так хорошо известно, как оно выглядит на самом деле.

Таганка уехала в Ленинград (там ей запретили играть эту пьесу).

1 июля 72 г.

Соколов (консультант из моей группы в Международном отделе) - со своими наивно-жалкими заботами и бегатней вокруг подготовки докторской защиты изображает и Иноземцева как препятствие. Со слов Хавинсона – будто против Соколова интригует жена Иноземцева. А скорее всего она просто против его концепции западной интеграции и вообще оценок современного капитализма: ведь Игорь в общем консерватор, «проходимец» (в смысле пишущий на проходимость в печать, для защиты диссертации). Я с этим остро столкнулся еще при подготовке материалов к XXIY съезду. А Максимова (жена Иноземцева) думает смело. Ее

разработки по Общему рынку (для ЦК) повлияли на изменение нашей позиции, на то, что уже указано готовить в смысле установления контактов с ЕЭС, и на речь Брежнева на XY съезде профсоюзов.

9 июля 72 г.

Стоит жара – 36!

Б.Н. в Праге – конференция по 50-летию СССР. Последняя суета перед этим.

«Разговор» с Гавриловым (помощник Демичева) – из-за замечаний Демичева на текст доклада Б.Н. Боже, до каких пор этот кретин будет у пульта нашей идеологической жизни!

15 июля 72 г.

Анвар Садат в прошлое воскресенье объявил, что он требует немедленного отзыва советских специалистов и всех советских военных из Египта – в знак протеста, что ему не выдали обещанное на последних переговорах с Брежневым в Москве, а именно наступательного оружия, истребителей-бомбардировщиков СУ-17. И началась суматоха. Уговорили приехать в Москву Сидки – премьера Египта. И думаю, уладили – в том смысле, что дали, если уже не по самый локоть, то далеко выше пальца. Неделю назад был Асад – президент Сирии, этот умеренный и то вынудил наших фактически одобрить «военное решение» и немало получил.

Сидки, 200 человек из райкома для проводов с энтузиазмом. Греков (секретарь МГК), Колоколов (начальник протокола МИД). Задержка с переговорами, и провожаемого гостя все нет к самолету.

Я разрешаю распустить людей, так как жарко, сидят 4 часа без обеда, пятница... В результате «народ» не провожает Сидки. Для меня могут быть «большие последствия».

22 июля 72 г.

Все время стоит жара – около 30. Телесиноптики сообщают, что такого не было за все время метеослужбы в России.

Сгорели урожаи в Астраханской, Саратовской, Волгоградской областях, на Ставрополье. Мировая печать полна двумя сенсациями недели: 1) СССР закупил в США на 750 млн. долларов кормового зерна («чтобы выполнить обещание кормить советских людей мясом»). В нашей печати, конечно, ничего об этом нет, хотя сделка, которую по величине приравнивают к Ленд-лизу, беспрецедентна в истории СССР. 2) Садат выставил-таки наш военный персонал из Египта. Впрочем, может, это и хорошо - не будем нести ответственность, когда он полезет войной на Израиль и его вновь шмякнут. А престиж «великой державы»... - в наше время , в этом смысле, это не такая уж драгоценность. Скорее наоборот. Твердит же швед Пальме, что «победа США во Вьетнаме была бы величайшим позором для Америки!»

Заменяю Кускова (он в отпуску) по Латинской Америке. Встреча, проводы секретаря Компартии Аргентины Арнедо, а также Гиольди, получавшего здесь орден. Провожали на Плотниковом. Речи, тосты. Обоим им по 75 лет. У одного жена – Кармэн. У другого – Лида.

Сегодня был у Эрнста Неизвестного в студии на ул. Гиляровского. Опять потрясение – безумно талантлив. Но и оборотист... иначе погиб бы. Ездили с ним на выставку в Сокольники «Электро-72», где в главном павильоне его 13-метровая

скульптура. Рассказал он мне о скандале, который учинил Ягодкин – «почему без его ведома». Чуть было не пришлось скульптуру убирать накануне открытия. Хорошо, что инструкторша от райкома , видно опытная баба и порядочная, запаслась всеми бумагами заранее и доказала, что все было «по закону», №№-ое количество комиссий и прочих инстанций. Но все равно… нигде, ни в буклетах, ни в программе, ни у входа не обозначено, что центральный художественный символ выставки – произведение Неизвестного. Зато все сравнительно ремесленные панно – авторские.

И вот этот, в самом деле великий скульптор и художник нашего времени, ищет всяких «влиятельных знакомых» вроде меня, бегает, хитрит, «обходит» кого нельзя преодолеть, только для того, чтобы иметь возможность показывать свое творчество людям. Просил меня, чтобы я уговорил Зимянина («Правда») поместить по случаю закрытия выставки фото его скульптуры.

Вчера читал статью Дж. Кеннана – по поводу 25-летия его собственной статьи «ИКС» о судьбах мира после войны. Много важного про нас. Надо будет кое-что выписать… *В осведомленных кругах принято считать, что эта статья ученого, бывшего посла в СССР дала «классическое» обоснование идеологии холодной войны.*

29 июля 72 г.

Жара. Что-то во мне начинает надламываться. Иногда придешь вечером домой – и ничего не хочешь и не можешь, даже телевизор смотреть. Лежишь бездумно, распластавшись на тахте. И спать даже не хочется.

Душа изнашивается и тело сдает – ему нет обычной тренировки: не плаваю, не бегаю и даже в теннис не играю. И на даче не бываю.

Во вторник (25-го) – поездка в авиадесантную дивизию под Тулу. Спектакли из «боевых действий». Командующий – генерал армии – попрошайка. Комдив – молодой осетинского типа. Солдаты - великолепный материал. Готовят их как «Джеймсов Бондов» – самбо, сальто, центрифуги, качели, …испытывают в огне, под наезжающим танком…

Когда я вечером приехал домой и сказал Аньке (дочь), где я был и что видел, она простодушно заметила: «Это их так хорошо учат убивать?!»

На этой неделе появилась уверенность, что статья в «Коммунисте» будет опубликована. Я был убежден, что Демичев сделает все, чтоб не допустить публикации: в самом деле – он санкционировал объединенный ученый совет, всей Москве таким образом было дано знать, что Федосеев «наверху» и вдруг, через неделю, после совета, тайный смысл которого, - придавить Черняева, появляется его статья, т.е. за ним остается последнее пока слово в споре.

Проводы Пономарева в Париж.

Встреча Лонго и Новеллы (лидеры итальянской КП) в «Шереметьево». Приехали на отдых.

Встреча Дюкло.

Бианка в Москве. Виделись в среду вечером. (Она приехала с итальянской фирмой вести обратно экспонаты выставки «Электро-72»).

Я практически единственный из замов сейчас в Отделе – и все дела на мне: бумаги, встречи, беседы.

В четверг интересная 3-х часовая беседа с немцами из ФРГ (партработники среднего звена). Думал ли я 30 лет назад на Редье (на Северо-Западном фронте), что буду вот так сидеть в ЦК с немцами и рассуждать об интернационализме! Фантастика. Другая жизнь. Другой человек.

Беседа с секретарем ЦК КП Швейцарии Лехляйтером. Впервые я его увидел в 1964 году, когда был там с Шелепиным с делегацией в Швейцарии.

Когда «в дни объединенного совета» мы пьянствовали у меня в составе: Куценков, Карякин, Гилилов, первые двое обязались найти мне «мечту всей жизни» – женщину, стройную с № 11 лифчика. Срок поиска – полтора месяца. Но Карякин уже звонил, говорит, - задание выполнено.

Первые 9 томов Ленина (подарок ко дню моего рождения) – нового издания у меня до сих пор не было. Гляжу, перебираю тома, листаю вновь – и то, что помнится, и забытое – охватывает волнение. Дело не только в том, что с чтением Ленина связана вся почти сознательная жизнь, не только в том, что не перестаешь поражаться его гению и силе самовыражения этого гения (55 томов и почти нет просто банального, рутинного текста, какой есть в изобилии у любого политического писателя, есть и у Маркса-Энгельса!). Дело также в том, что Ленин обладает магической силой «Евангелия» для нашего общества, объединяя людей, которые вообще его никогда не читали, людей, которые когда-то что-то читали и даже изучали из Ленина, но плотно все забыли; людей, которые не зная Ленина, считают себя его представителями и верными учениками; людей, которые знают Ленина начетнически и каждый раз подбирают из него то, что выгодно, либо то, что подтверждает их интеллектуальную и карьерную схему; и, наконец, людей, которые действительно глубоко знают и понимают Ленина.

Впрочем, тут, как всегда, проблема из «Великого инквизитора» Достоевского. Но, может быть, так и надо для минимальной жизнеспособности общества. Тем не менее, (хотя, возможно, это неизбежный процесс) беда, что Ленина читают и знают лишь немногие интеллигенты (и некоторые въедливые студенты), а политики его уже не знают и давно не читают, а Демичев даже, наверное, считает вредным особенно углубляться в Ленина: «всякие» мысли могут придти в голову.

<u>8 августа 72 г.</u>

Опять день за днем по 35-36°. Кроме того, где-то возле Шатуры горит торф и вся Москва (и Подмосковье) – в синей пелене дыма. Солнце даже не пробивается через нее… Впрочем, это может быть и лучше.

Шишлин вчера рассказал нам с Бовиным о письме секретаря Астраханского обкома в ЦК КПСС: озимые посевы в области выгорели на 100%, пересев стоил столько-то; яровые погибли на 100%; весной от голода погибло столько-то голов скота; сейчас в день гибнет столько-то; луга и выпасы – все сгорело; осенью скот кормить будет нечем. Питьевой воды в Астрахани (по гигиеническим нормам) практически нет. Канализация разладилась. Холера разрастается И т. п.

Шишлин был в Крыму, присутствовал у Брежнева на встрече руководителей социалистических стран. Кое-что услышал между делом и на эту тему: Брежнев велел направить в сельское хозяйство 50 000 военных автомашин и еще 25 000 снять (невзирая ни на какие обстоятельства) из промышленности и также направить на уборку, чтоб там, где урожай получился, собрать все, что можно. (Кстати, в Москве исчезли поливальные машины – они отправлены туда же).

И в то же время для Брежнева, в Крыму (рассказывает Шишлин) бассейн с раздвигающимися стенками и с прозрачным куполом, который может прикрывать от ветра с моря или вообще превращаться в крышу. Неподалеку от этой «дачи №1», недавно построены другие дачи, в частности, для больших министров и отдельных завов и замов из ЦК – особняки 4-х этажные с японскими обоями, с барами, с

кондиционерами, с венгерской специальной мебелью и балконами, нависающими над морем. Стоил каждый столько-то.

До этого Шишлин был в «звездном городке» (когда туда ездил Кастро). Береговой – генерал их старший, говорил ему на ухо: вот, видишь, свежий асфальт? Это вчера залили. А чтоб «не казалось», я солдат тут попросил походить. Да, и то… мы, космонавты, и так дорого народу стоим…

Вчера, вернувшийся с Байкала Бовин, устраивал мне разнос, зачем я «топтал его здесь, переписав его статью о Венском конгрессе Социнтерна. Всерьез обижался. Пришлось вынуть верстку и тыкать пальцем в полную (и опасную для него) хуйню, какую он там написал. Кажется, успокоил.

Вечером мы пили у него виски (на Б. Пироговской) вместе с Шишлиным. Тогда-то он все и рассказывал про Крым.

Кстати, я почти целиком прочитал стенограмму Крымской встречи. Она гораздо банальнее прошлогодней. Причины? Мне кажется, две: а) наличие Чаушеску, б) письменные тексты, а не свободный разговор.

11 августа 72 г.

Болею. Третий день – не на работе. Провожу их бессмысленно. Жара не спадает. Все время больше 30°. Москва в дыму. Горят еще и леса. Пожарные, войска, местное население и москвичи – все там…, но говорят, (да и по густоте дыма видно) результатов пока нет. Горит картошка. Пытаются ее спасать «методом местного полива»: газеты пропагандируют этот способ – нечто вроде бутылки с зажигательной смесью против танков в 1941 году. Вообще – несчастье.

Очень контрастирует все это с «поступью» нашей Программы мира. Ворчуны даже противопоставляют одно другому, но ведь всегда в подобных случаях, так называемый, «народ» ищет козла отпущения.

Однако, как бы там ни было, предстоящий год с точки зрения снабжения будет очень тяжелым, а значит, и политически сложным. (Хорошо, кстати, что развязались с Ближним Востоком, опасностью – для нас!). Не дай Бог, впрочем, если Демичев сделает свои выводы из засухи в смысле дальнейшего идеологического зажима!

Заезжал ко мне Куценков. Рассказал о «Кармэн». Большой он мастер по бабьей части. И красиво делает. Проблема эта меня увлекла.

Странное состояние бессмысленности, отсутствия конкретных желаний, какой-то общей «нецелесообразности» существования. Оттого и хочется поскорее вернуться на работу, где за ритмом суеты, в которой важное перемежается с пустяками, с нервами попусту, забываешь, что общий смысл все равно давно утрачен.

В №7 «Нового мира» – вторая статья Ал. Янова о литературном герое 60-х годов. Во первых, он восстанавливает метод «новомирской» социологической литературной критики, укрепляя составленный при Твардовском мост к Белинскому-Добролюбову-Писареву. Во вторых, он железно проводит линию Твардовского – смотреть на наше общество реалистически и писать о нем без демагогии: речь у него, как вообще в серьезных статьях журнала, идет не о строительстве коммунизма, а о рациональном развитии общества в соответствии с его историческими и «национальными» (в широком смысле) возможностями и предпосылками. С этим корреспондирует и манера ссылок на партийные документы: из них берутся только деловые, реалистичные, пусть критические мысли и рекомендации. И сами эти

документы рассматриваются как проявления самой нашей общественной жизни, а не как указующие персты, по которым она должна развиваться.

9 октября 72 г.

Почти два месяца спустя. За это время: с 21 августа по сентября был в Италии. Еще до отъезда - рецензия для «Вопросов истории» Черменского на Волобуевский сборник. Мой разгромный отзыв. Сегодня на редколлегии (в присутствии рецензента) – обсуждение переработанного варианта. Гнусная ситуация. Узаконенная подлость совершается на глазах, а все вынуждены делать вид, что речь идет о научном споре.

Происхождение: подонок Шарапов - бывший наш референт, потом проректор Университета Лумумбы, потом ректор Высшей комсомольской школы, лизоблюд и жополиз Трапезникова, мечтавший стать член-корром и директором Института истории взамен Волобуева – написал донос Шелепину: что, мол, в сборнике посягают на руководящую роль КПСС в Февральской революции, на гегемонию пролетариата и т. п. Шелепин отписал соответствующую записку в ЦК. И Суслов с Демичевым дали указание раскритиковать сборник в «Вопросах истории КПСС» и в «Вопросах истории».

В «Вопросах истории КПСС» Загладин попытался торпедировать гнусную рецензию, а в «Вопросах истории» - я. У меня результативнее получилось: политических обвинений во всяком случае уже нет.

За две недели моей работы: встреча с итальянской делегацией (ужин на Плотниковом, тематика: Солженицын, разделение функций государства и партии и т. д. Спор – но не до предела). Коньо и Бюрль (ЦК французской компартии). Ужин с Коньо.

Все службы во главе с Агатиропом (Яковлев) подстраиваются под итог борьбы Черняев-Федосеев. Черняев получается, вышел с перевесом 52 на 48! Форсируется литература в духе моей статьи в «Коммунисте». Чхиквадзе (директор Института права) счел необходимым сообщить мне, что организаторы ученого совета в АОН в смущении. А те, кого они хотели заставить выступать, по отказавшимся это сделать, теперь радуются. Он, Чхиквадзе, среди них.

Заходил Иноземцев – тоже несколько смущен, что не поддержал меня решительно.

1-го же был в Опалихе у Дезьки (давид Самойлов, поэт, школьный друг). Вел себя как бонза-оптимист. Напился и потом вывалялся во всех глиняных траншеях. Удивляюсь, как на обратном пути ночью не попал в вытрезвитель!

Пономарев: доклады о 50-летии СССР. Расценивает свой доклад как «Анти-дюринг» – анти- антикоммунизм. Хочет публично громить (в «Правде») Каддаффи за антисоветизм. Поручил Брутенцу писать на эту тему статью.

Я предложил Б.Н. выдвинуть А.М. Румянцева[24] на директора ИМЭЛ (поскольку Федосеев собирается «сосредоточиться» на Академии наук). Б.Н. реагировал с интересом. Но колеблется, сомневается: говорил о том, как плохо относится к Румянцеву Суслов. Уповает на Кириленко, соперника Суслова. Посоветовал мне предложить Румянцеву выступить в «Правде» - в порядке идеологической «реабилитации». Хотя «Правда», мол, не сразу и согласится…

---

[24] Румянцев А.М. – академик, бывший шеф-редактор журнала ПМС в Праге.

Карякин за 4 месяца соорудил сочинение о «Моцарте и Сальери» и наивно излагал мне свои открытия, которых 150 лет ждала читающая Пушкина публика. Поразителен он.

Читаю Marc Paillet "Marx contre Marx".

Разговор с Коньо о Роже Гароди и нашем к нему подходе.

Книжка Элейнштейна по истории СССР – рецензия французского сектора (Международного отдела ЦК), возмущение Пономарева. И моя выволочка Моисееву за дезинформацию и глупость.

Письмо Ротштейна к Б.Н.'у о том, что политические выпады наших авторов против антикоммунистов вызывают либо смех, либо возмущение, потому что: а) ясно, что авторы этих инвектив не читали критикуемых книг, б) боятся их правильно цитировать, чтоб «не давать трибуны врагу». (Б.Н. – ругал это правило, которое «кто-то выдумал при Сталине», и оно стало законом, вместо того, чтобы добиваться отмены. Взамен он предлагает издавать «анти-антикоммунизм» за границей, чтоб свободнее можно было с цитатами из критикуемых текстов!

Луи Арагона наградили орденом «Октябрьской революции». За сотую долю того, что он иногда говорит о нас по поводу Солженицына и Чехословакии, кое-кого из советских авторов повыгоняли из партии и с работы.

<u>10 октября 72 г.</u>

Приходил Румянцев. Несколько жалок. Я сообщил ему о своем разговоре с Пономаревым – «двигать» его в директора ИМЛ вместо Федосеева. Ему очень хочется, да и не скрывает: дал мне! «официальное согласие».

Пообещал ему организовать в «Правде» рецензию на его книгу о Мао.

Домнич – несчастный еврей из Высшей проф.школы. Шарапов – ректор и заведующий кафедрой Корольков устраивают ему моральный погром, который доведет его до физической смерти. («История христианского синдикализма», докторская диссертация). Плакал, признавался в пожизненной любви к своей жене, «которая тоже погибнет». Однокомнатная квартира, заваленная 50 000 выписок из источников и книгами. Обещал помощь. А что я могу!

<u>17 октября 72 г.</u>

Пушкин – это как тоска по невозвратимой юности.

Роман Белова «Кануны» в «Севере» – о коллективизации. Пахнет литературой 20-30-х годов.

Вчера был на премьере «Под кожей статуи Свободы». Бомонд: Арбатовы, Самотейкины, Ефремов с женой- знаменитой артисткой «Современника». Евтушенко с порезанной рукой (обстругивал раму для подаренной картины). Меня либо не замечает искренне, либо презирает как чиновника, который не помог ему уехать в Америку. (Без меня обошлось, но видит Бог, я помогал). Интересно, на какой букве по Маяковскому – «Юбилейное» - он будет стоять в советской литературе: на «Надсоне» или на «Лермонтове»?

Спектакль не поразил. Но, конечно, пощечина властям. Ассоциативность, помноженная на любимовщину (технические и режиссерские находки), уже, видно, пройденный этап. И если бы культдеятели всяких управлений и министерств заботились не только о своих местах и могли делать хоть «местную политику», самое лучшее было бы «не заметить», адаптировать, представить скрытый в пьесе протест против советских порядков как шалость, адресованную в сторону.

В воскресенье – выставка в Музее изобразительных искусств портрета с XYI по XX век. Смотрят лица, такие же, как нынешние. «Девушка с горностаем» Леонардо, Ван-Дейк «Автопортрет», юноша в цветастой рубахе Машкова, Толстой (45 лет) Крамского, мальчик на руках княгини Муравьевой и т. д.

Очереди в музей (как и в Манеж на «Лица Франции» – фото за 100 лет) стоят километровые , и в будни, и в субботу, и в воскресенье, под проливным дождем. Интересно, нравится ли это Демичеву или в этом он видит опасность.

Вспомнилась Биенналле – ретроспективная у площади Сан-Марко в Венеции. Пустующие залы.

1-го октября, взлетев с Адлера, через несколько минут упал в море Ил-18. 102 человека задохнулись в разгерметизировавшемся фюзеляже. А 13-го при подлете к Шереметьево (из Парижа через Ленинград) разбился Ил-62: 173 человека. О последнем сообщили в «Правде»: там было 38 чилийцев, 5 алжирцев, 6 перуанцев, француз, немец, англичанин. Послам в Чили и Алжире велено было выразить соболезнование (поскольку это дружественные правительства).

Об Адлеровском падении в газетах не было: только «Московская правда» и «Вечерка» целую неделю печатали траурные квадратики о трагической гибели (где и как?) одного, другого или семейных пар.

Готовлюсь к поездке в Бельгию. Новое постановление ПБ по Китаю: опять придется письма с объяснениями писать «своей партии» и «братским партиям». Опять разоблачать. Что, как?

До тех пор, пока мы не отрешимся от самовнушаемой концепции: «мы социалистическая страна, они - социалистическая страна, и уму непостижимо, как они могут лаять на «КПСС – партию Ленина», до тех пор мы будем закрывать себе дорогу к пониманию происходящего и к последовательной политике, реалистической и ясной для всех. Нам уже никто не верит, как бы мы ни изображали китайцев и как бы мы ни объясняли свою марксистско-ленинскую чистоту.

Марше просится поговорить с Брежневым «на равных». А Брежнев предпочитает Помпиду, которому уже дано согласие на визит в Москву в январе. Еще по возвращении из Парижа, Брежнев сказал в своем кругу: «Болтает (о Марше, о демократии, хотелось бы посмотреть, что он будет делать, если окажется у власти». «Государственно мыслит (о Помпиду), хозяин, видит все проблемы, умеет охватить их в целом».

Помпиду же, в свою очередь (как и Никсон, как и Брандт) отлично усвоил, что у нас идеология идет лишь на внутреннее потребление, т.е. там, где ее можно практически применить государственными средствами. И мы не такие дураки, чтоб заниматься идеологическими упражнениями в деловых, государственных отношениях с теми, кто спокойно может послать на х…

7 декабря 72 г.

Вся западная мысль возвращается к Токвилю. И я тоже. Вспомнил, что в 1947 и 48 г.г. выписал в блокноте из его «Старый порядок и революция» наиболее важные мысли, как раз те самые, которые сейчас в ходу у Раймона Арона и др. И еще по поводу Токвиля: «Революция ломала историческую действительность в угоду отвлеченным теориям, но могущество отвлеченных теорий (других?) сложилось задолго до революции, в ту эпоху, когда общество отвыкало от всякого участия в политической деятельности».

9 декабря 72 г.

Вчера в «Современнике» – Инс Рэйд в постановке поляка Вайды «Как брат брату». Американская ситуация в связи с Вьетнамом. Великолепны Гафт, Е. Васильева, Кваша, Табаков.

Смысл: бессмысленность жизни стало самим ее содержанием, а поскольку она благополучна – сила привязанности именно к ее бездуховному, внечеловеческому содержанию такова, что даже потрясение (слепой сын возвращается из Вьетнама и эпатирует ужасами пережитого) только где-то на большой глубине будоражит совесть и тягу к осмысленной жизни, в конце же концов еще больше усиливает (до истерики, до бешенства) желание сохранить все как есть (Гафт, лежа на полу, обхватив руками голову бессчетно твердит: «я хочу смотреть телевизор!»). Выход находят в том, что отец, мать, брат предлагают слепому перерезать вены, кровь течет в два таза, образуются лужи, мать тут же их подтирает, а брат спрашивает убиваемого, как он себя чувствует etc.

Говорят, что очень не понравилось Фурцевой (тем более, что она сама пыталась этим заниматься после XXII съезда, когда ее вывели из Президиума ЦК).

Публика, готовая, как всегда, одобрить и поддержать «Современник», смущена и аплодирует робко.

Затем Галя Волчек (как всегда в экстравагантном наряде, подчеркивающем и так непомерно огромные сиськи). Мы с Карякиным наговорили ей и Табакову всяких неприятностей о спектакле: «зачем тратить силы и талант на то, что не имеет общественного значения для нас?»… «бездарная пьеса… зачем ее было брать?» «Не волнует, не оставляет ничего – слишком приземленно к американской конкретике, чтобы зритель видел общечеловеческий замысел пьесы и постановки».

Галя делала вид, что благодарна за откровенность, но в душе очень обиделась. Естественно. Потом изобразила несколько сцен из своей работы с Айтматовым и еще одним казахом (она делала это на том «русском» языке, на котором говорит этот казах – сценарист). Хохотали. Чертовски умна и талантлива эта роскошная грудастая баба!

Из событий, которые не отмечены из-за запущенности дневника.

- Поездка в Бельгию (21-31 октября) с заездом 29-го, в воскресенье, в Голландию (Амстердам, Гаага, Роттердам) – когда-нибудь, может, опишу все это.[25]

- Выборы в Академию наук: о том, как с помощью Карякина и Пышкова вышли на академиков Флерова, Капицу и Леонтовича, и с треском провалили Йовчука.

- Доклад Б.Н. на общем собрании АН СССР – его страхи, как бы не «получить», зачем вылезает с «50-летием СССР» накануне «генерального доклада», предстоящего 21 декабря! «Ведь все для дела стараешься»…, - сокрушенно и жалко говорил он мне. И махнул безнадежно, припомнив, однако, что в свое время при Сталине и Калинин, и Куйбышев, и Орджоникидзе, и другие «из руководства» выступали и «имели свое лицо» в глазах народа.

22 ноября встречался с Галиной Серебряковой.

В 30-х годах она была «известной писательницей». Ее «Женщины французской революции» мгновенно стала бестселлером. То, что она написала до и после 17-летнего ГУЛАГ'а о Марксе и Энгельсе, - и не литература, и не история. Но ее мемуарные вещи замечательные и очень, как теперь принято называть, информативны.

---

[25] *Там, в поездке, я познакомился с Горбачевым, который возглавлял делегацию. Но теперь поражаюсь, что не отметил это тогда в дневнике.*

Посадили ее как жену «врага народа» Георгия Сокольникова (соратника Ленина и автора знаменитой денежной реформы эпохи НЭПа – «золотой червонец»!), заодно и как жену первого ее мужа, тоже «врага народа» Леонида Серебрякова, в прошлом секретаря ЦК, одного из благороднейших большевистских революционеров, героя Гражданской войны.

Познакомился я сначала с ее дочерью – Зорей Серебряковой, которая тоже провела в ГУЛАГе немало лет, но из прихоти «отца народов», вместе с другими подобными, была после войны выпущена и оказалась в университете, на истфаке, куда я вернулся в гимнастерке и шинели весной 1946 года. Зоря смотрелась удивительно красивой, изящной, аристократичной, рафинированно интеллигентной. Мне, фронтовику, легко было защищать ее от тех, для кого она оставалась «отродьем врагов». Впрочем, через пару лет, во время космополитии, ее опять посадили, на этот раз уже до самой смерти «великого вождя». Общение наше возобновилось и Зоря считает, что я и тогда ей не раз «существенно» помогал - устроится на работу, сохраниться на ней и заниматься своей любимой наукой. Я этих своих заслуг не запомнил. Правда, уже будучи помощником Генсека, я добился реабилитации ее отца (которая, впрочем, все-равно бы произошла рано и поздно).

В конце 1972 года в гостях своего коллеги по Международному отделу ЦК Игоря Соколова я встретился с мамой Зори – той самой, ставшей уже опять известной писательницей Галиной Серебряковой.

Она была уже «в летах», но сохраняла свою необычайную, впечатляющую красоту и женскую силу (которая, наверное, и помогла ей выжить в лагерях). Поразила она меня и как великолепная, фантастическая рассказчица. Она ведь очень много повидала в своей жизни и наслышалась от других – в той большевистско-интеллигентской среде, по сути дворянской по происхождению, к которой она принадлежала сама в 20-30 годах.

Вернувшись домой, я набросал конспективно кое-что из рассказанного этой редкостной женщиной из когорты Ларисы Рейснер. Попробую здесь воспроизвести.

I. Баронесса Мария Игнатьевна Бутберг-Закревская. Тогда о ней знали только по шушуканью на интеллигентских «кухнях». До знаменитых исследований Нины Берберовой «Железная женщина» советским читателям было еще очень далеко. А Галина Серебрякова, бывало, встречалась с ней после революции и в 30-х годах в Лондоне.

Перед Первой мировой войной в Петербурге было три салона высшего света, где завсегдатаями были «властители дум» – поэты, литераторы, философы, издатели, не говоря уж о политиках и дипломатах. Один – графини Палей, другой – Марии Игнатьевны, третий – еще чей-то. После 17-го года баронессой заинтересовалась ЧК – муж, Будберг, оказался белогвардейцем. Спасал ее от Дзержинского Горький, тогда же она уже и сошлась с ним. Но вскоре опять оказалась «в сфере ЧК», на этот раз то ли как «подсадная утка» к английскому шпиону Лоуренсу, то ли просто как его любовница. Опять вступился Горький. Дзержинский обратился к Ленину: «Что будем делать?» Тот ответил: «Любовь надо уважать!» Потом мы ее видим в роли секретаря у Алексея Максимовича в Сорренто.

Галина Серебрякова помнит (от своего второго мужа Сокольникова, который был уже полпредом в Лондоне), что Горькому – через посольство и Бутберг – советское правительство пересылало в Италию 100 000 рублей золотом в год.

Когда под влиянием Марии Игнатьевны Горький отказался принимать у себя людей «с красным паспортом», ему этот «цивильный лист» в 1928 году уполовинили.

Умирал он на ее руках. Хотя она уже была женой Герберта Уэллса. Помнит Галина Серебрякова и вереницу красавиц в крематории при прощании с Горьким.

«Сейчас (1972 г.), - завершила Галина Серебрякова эту часть рассказа, - баронесса, которой 81 год, едет опять в СССР, наверно, теперь уже как шпионка».

Горький не любил Бернарда Шоу. Тот постоянно острил, а Алексей Максимович не успевал «угнаться». Однако нередко общался. Однажды на каком-то приеме, показывая на декольтированных дам, Шоу, громко произносит: «Помните, в конце века ошеломление мужчин, когда из-под платья высунется вдруг носок туфельки?! Что там декольте!»

II. О Жемчужной. В 13-ой армии она была комиссаршей. «А я при ней – мальчик в галифе» (Серебрякова вступила в партию в 1919 году, когда ей едва исполнилось 15 лет). В 1922 году обе они работали в Женотделе ЦК. Жемчужная ей однажды говорит: «Давай – я за Молотова, а ты – за Серебрякова». И то и другое получилось.

Молотов, между прочим, предупредил Галину Серебрякову в 30-х годах, что над ее бывшим мужем «нависла опасность». И он же в 1946 году, когда Зорю выпустили из лагеря, позвонил Кафтанову, министру высшей школы, чтоб ее приняли в МГУ.

Четыре последних лагерных года Галина Серебрякова провела в сверхсекретном гарнизоне Байконур (!). Накануне смерти Сталина, ее, умирающую от какой-то болезни, вдруг погрузили в бронированный вагон и срочно доставили на Лубянку. Помнит фрукты, жаренную курицу, еще какие-то яства, которыми ее там потчевали, а она уже и есть не могла.

На второй день после смерти вождя в дверях ее камеры появился сам Берия. «Великая мученица!» – произнес он, поднял на руки, донес до машины и повез на квартиру к Молотову. Тот не принял, а дочка Светлана спряталась. Через три месяца арестовали самого Берия. «Помню, было мне очень неловко».

III. Сокольников. Он дружил со Сталиным. Рассказывал потом об одном эпизоде перед XIY съездом ВКП(б). Крупская на Пленуме ЦК зачитывает «завещание» Ленина. Сталин бурчит сидящему рядом Сокольникову: «Не мог уж умереть как честный вождь». В другой раз он ему, во время застолья, сказал: «Самое большое удовольствие – иметь врага, медленно готовить ему западню, покончить с ним и потом выпить стакан хорошего вина». Присутствовал Сокольников и на пьянке на даче, когда Сталин, вспомнив лихие времена экспроприаций, разыграл «сцену из Вильгельма Телля»: поставил сына Ваську к дереву и стрелял из нагана поверх головы. Василий на всю жизнь остался заикой.

Сокольников был приглашен в гости к Сталину за две недели до ареста. Сталин произносил тосты – в том числе и за этого «своего друга». Галина Серебрякова считает неслучайным, что муж ее умер в тюрьме в один день с Крупской: «Сталин любил символику!»

Первый советский «князь Курбский», Шейнман, член партии с 1902 года, председатель правления Госбанка, объявился в Лондоне, когда Сокольников там был полпредом. Шейнман имел на Сталина компрометирующий материал и Сокольникову было поручено его выкупить, что он и сделал, съездив для этого в Париж, куда в целях конспирации направился также и Шейнман.

IY. Поскребышев. Цепной пес в приемной Сталина. Телефонный звонок от этого человека повергал кого в трепет, кого в обморок. Галина Серебрякова описала

его отвратную внешность. В 30-ые годы с ним случилась «своя история». Арестовали вдруг его жену – Броню, красавицу, работавшую врачом в Кремлевской больнице. Поскребышев бросился к Сталину – на коленях!... Тот ему: «Брось, забудь, иначе и тебе плохо будет». Вернувшись домой, Поскребышев застал в квартире «огромную латышку». Она поднялась навстречу и говорит: «Мне велено быть твоей женой». И жил он с ней около 30-ти лет, дочь имел.

Y. На знаменитой встрече Никиты Хрущева с писателями, на своей даче, Серебрякова тоже выступила. И начала разоблачать лицемерие Эренбурга. Смущение и замешательство. Однако никто не бросился возражать. А потом оборвали телефон, восторгались и хвалили. Американский «великий журналист» Гаррисон Солсбери подарил ей «за храбрость» золотые запонки на кофту.

Сталин, говорила она мне, любил Фадеева, Панферова и Эренбурга. Под конец жизни – только этого последнего. По телефону с ним разговаривал напрямую, «без посредства» Поскребышева.

Любил он и Пастернака. Трижды ему звонил.

В начале 20-х, знаю, Сталин побывал в литературном салоне, где выступал Есенин, который ему не понравился.

Таковы пять новелл Галины Серебряковой.

<u>12 декабря 72 г.</u>

История с Обращением к народам мира, которое будет принято 21-го на торжественном заседании в Кремле – 50-летии СССР. В нашем проекте (главный автор Брутенц) на Секретариате ЦК заметили только: неопределенно о руководящей роли КПСС (Суслов), отсутствие руководящей роли рабочего класса (Демичев), наличие «какого-то общежития, студенческого, что-ль?» (Кириленко – то была расковыченная фраза из речи Калинина на I съезде Советов СССР – о «человеческом общежитии»).

Отличие этого текста по мысли и словесности (во что мы выложились!) от пошлого газетного текста Отдела науки (Обращение к советскому народу) никто не захотел (или не смог) заметить. Вот судьба нашего творческого подхода!

Разослан проект доклада Брежнева на предстоящем 50-летии. В главном – национальной проблеме отмечено ее наличие в очень взвешенной форме. А между тем – открытый, наглый антисемитизм по всей Украине, да и в Москве тоже, антируссизм в Литве ext. Что-то будет с нашей великой дружбой народов лет через двадцать? Спасение только в выведении благосостояния повсеместно хотя бы на уровень Западной Европы и резкий рывок в сфере культуры народа, она, кажется в массе образованного населения падает. Иначе выход в новой диктатуре.

Книга «Принцип историзма в познании социальных явлений» (под редакцией Келле, моего преподавателя философии в 1946-48 годах в МГУ). На основе текстологического анализа Маркса-Энгельса в строго хронологическом порядке (подлинный праздник мысли!) рушатся схемы официального истмата, марксизм обретает форму метода познания и научного творчества. Держитесь, авторы! Как только вас прочтут, раздолбают и вашу прекрасную книгу и вас.

Оказывается все эти формационные ступени: рабство, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм – совсем не Маркс с Энгельсом придумали.

16 декабря 72 г.

Каждый день несколько поездок в Шереметьево: заезд гостей на 50-летие СССР. Потом – «разговоры» за ужином или обедом, на Плотниковом или в «Советской».

Позавчера – хороший разговор с Куссельманом (член ПБ компартии Бельгии). Умный, искренний он. Рассказывал, как умирал Дрюмо. Неожиданным для них были похороны: они увидели, что он за четыре года председательствования в КП Дрюмо стал национальной фигурой. Я его хорошо знал.

Вчера Грэхем из Ирландии. Примитивный и придурковатый, может быть, сознательно: я его спрашиваю, как будут голосовать твои профсоюзники (он профсоюзный босс) на референдуме об объединении двух Ирландий? А он мне – о том, что они хотят соединить экономические требования рабочих с борьбой за «социализм в будущем».

Интересный Эддисфорд из Манчестера. Интеллигент, руководитель обкома в Средней Англии. Либо, такие как он, хотят нас обмануть (чтоб мы не очень общались с их правительством), либо сами обманываются: убеждал меня в том, что британский капитализм окончательно выпотрошен, никаких потенций у него уже нет и силы никакой он уже не представляет. Но тогда, почему его так боятся партнеры по Общему рынку и почему коммунисты (и даже лейбористы) не берут его «голыми руками».

Хавинсон просит писать статью о 125-летии Коммунистического манифеста (в просторечии – «призрака»). Я было согласился. Но, во первых, совсем нет свободного времени, а во вторых, и главное. Перечел я «Манифест». И странное ощущение: Маркс и Энгельс уже тогда утверждали в отношении капитализма то, чего он и сейчас еще не во всем достиг. А что касается развития противостоящих ему сил, то правы вроде западные интерпретаторы марксизма, как устаревшего Евангелия. Нужно пофантазировать: ведь это было гениальное прозрение, рабочая гипотеза, которая уже потому была единственно правильна тогда, это ее разработка (и в теории и на практике) оказала столь мощное воздействие на всю последующую историю. Но ведь так не позволят публично писать о «Комманифесте»…

30 декабря 72 г.

День этот теперь объявлен праздником взамен 5 декабря – дня «Сталинской конституции». Интересно происхождение инициативы: Пономарев дал мне текст доклада Брежнева, разосланный по Политбюро за несколько дней до празднования (50-летие СССР). (Кстати, я предложил ему порядочно замечаний, но, то ли он сам принял лишь процентов пять, либо Александров-Агентов срезал, не знаю, но в окончательном тексте я увидел мало своих правок).

Вот, - говорит Б.Н., передавая мне текст, - здесь предлагается новый праздник. И, знаете, кто предложил? – Голиков (помощник Брежнева по идеологии, лучший друг Трапезникова, черносотенец и сталинист). Удивительно… Вот вам и сталинист… А мы не догадались.

Эти две недели были заполнены «парадами» по случаю 50-летия СССР, а у нас, международников, встречами иностранных гостей и всяким трепом с ними, а главное (у моего подразделения консультантов) – редактированием их речей на разных собраниях трудящихся. Иногда это было нечто совсем невообразимое и не поддающееся простому переложению на бумагу. Авторы сами говорили нашим референтам: «Вы там подработаете… я согласен заранее с тем, что вы сделаете»… И

мы делали, даже умудрялись приспосабливать к специфической обстановке в соответствующей стране.

Вообще, убожество «нашего» комдвижения как-то особенно густо представилось мне на этот раз. С одной стороны – О'Риордан, которого здесь сажают в президиум, а в Литве, где он выступал на торжествах, буквально носили на руках. Снечкус[26] его обильно цитировал с трибуны Кремлевского дворца. А у себя в Ирландии его никто не знает, никто, ни левые, ни правые, ни те, кто бросает бомбы, ни англичане, не берут всерьез, если им вообще известно что-либо о его партии, состоящей из нескольких десятков человек. И рядом с ним – его друг Грэхен, член исполкома партии и профбосс в Белфасте. Я пытался вести с ним политический разговор. И был потрясен дремучим мещанским «тредюнионизмом». Ему до лампочки все эти взрывы и стрельбы. Его забота и круг интересов, чтобы члены его профсоюза получили надбавку к зарплате и не потеряли работу.

Или - Сэнди, председатель КП Австралии, который уже много лет задирает хвост на КПСС.

Они никак не могут адаптироваться к тому, что происходит в мире, где громоздко и мощно вращаются несколько (в основном два-три США-СССР-КНР) маховика, которые настолько в своей инерции привязаны друг к другу, что никакие песчинки, вроде КПА, не могут им помешать, даже и скрипа от них не будет слышно, если они неосторожно попадут между колесами. И самое правильное для таких КП, как австралийская, спокойно лепиться на нетрущейся поверхности советского (или китайского, если угодно) маховика.

С другой стороны, - Жорж Марше, который теперь стал генсеком французской КП. Он отлично знает правила игры. Однако вознамерился стать одним из колесиков системы, занять место Помпиду. Пытается использовать нас, чтоб свалить Помпиду в свою пользу. Получает оплеухи от нас за это. Но поскольку он все-таки некоторая сила (и чем черт не шутит), мы с ним тоже играем. Помпиду напросился на «неформальную» встречу с Брежневым где-то в Советском союзе и Марше – туда же. Как говорил Канапа (его серое величество) нашим ребятам: «Ну почему же Марше и Леонид (!) не могут где-нибудь под Москвой в свободной обстановке, походить по аллеям, обсудить дела?... Потом можно их снимок («непринужденный») опубликовать в газетах»...

Все понимают, что мы с Жоржем играем не потому, что он коммунист, а потому, что он может (?) стать государственной силой.

А ФКП тем временем быстро «прогрессирует», превращаясь в то, чем давно уже стали массовые социал-демократические партии в других странах. Да иначе и не возникло бы перспективы ее превращения в «государственную силу».

Так с двух концов (не говоря уже о китайском феномене в этом деле) ликвидируется историческое коммунистическое движение, каким оно мыслилось еще 30 лет назад. Больше того, исчезают и сами компартии, как самостоятельная идейно-политическая категория.

Впрочем, есть еще Итальянская компартия. Явление оригинальное. И, возможно, ей будет принадлежать заслуга возрождения движения на какой-то новой основе.

---

[26] *Первый секретарь Компартии Литвы.*

31 декабря 72 г.

Перед 50-летием был Пленум ЦК. После отчета Байбакова (Госплан), который заявил, что план 1972 года не выполнен очень крупно, и план 73 года не будет выполнен, и что вообще неизвестно, как выходить из положения, произнес большую речь Брежнев. Вот ее короткое изложение:

«Не выполняем пятилетнего плана практически по всем показателям, за исключением отдельных.

Причины: ссылаются на погоду прошлого года. Но – это правильно для сельского хозяйства. И хотя не во всем, выкарабкались. И не надо было панику поднимать с закупками зерна заграницей. Обошлись бы. Пример: в «Правде», - председатель колхоза в Кировоградской области, - все сгорело, но сумел получить по 25 центнеров, а соседи «через дорогу» – по 11 центнеров.

А в промышленности – ссылка на погоду… «Как вам не стыдно, товарищ Казанец… хвалитесь, что выплавляете больше США… А качество металла? А то, что из каждой тонны только 40% выходит в продукцию, по сравнению с американским стандартом, остальное – в шлак и в стружку?!»

Капитальное строительство. Незавершенные стройки. Старая болезнь. Мы прикинули: на каждую из 270 000 строек приходится по… 12 рабочих. Если же, скажем, на Камазе – 70 000, то получается – на сотнях, тысячах строек вообще нет рабочих! Предлагаю: заморозить все, кроме того, что должно было войти в строй в 1972 и 73 годах. Но эти – довести!

Мы по-прежнему получаем 90 копеек на один рубль вложений, а американцы – наоборот (на один доллар – 90).

Ссылаются на поставщиков. Но посмотрим на факты. Товарищ Тарасов (легкая промышленность) – у Вас на складах… млн. пар обуви валяются. Их уже никто никогда не купит, потому что фасоны лапотные. А ведь на них ушло сырье, которого, как Вы говорите, вообще мало. Так ведь можно скупить все заграничное сырье и пустить его под нож.

Решает план группа Байбакова. Потому что людям нужны не деньги, а товары. И только, имея товары – продаваемые (!), мы можем вернуть деньги, чтоб строить домны и т.п.

А как мы работаем? Был я в августе в Барнауле на новом шинном заводе. Спрашиваю у рабочих: вот вы имеете все современное оборудование, наше и заграничное, вы должны выпускать 9 000 шин в день, а выпускаете 5 000. Отвечают: министр Федоров дал нам 30 месяцев до выхода на полную мощность. Хорошо! На днях получаю сводку: этот Барнаульский завод уже в ноябре выпустил9 000 шин – проектную производительность. Т.е. «приняли меры» после моего разговора. Итак: 30 месяцев и 3 месяца! Что же это такое? Лень, безответственность, головотяпство, преступление?!

Мы не выполняем главного в постановлении XXIY съезда – подъема производительности, эффективности. Весь съезд и вы, присутствующие здесь, сидели и хлопали, когда говорилось о новой задаче – одновременного движения по основным направлениям экономического развития (и подъем благосостояния, и рост производительности, и обороны). А что же получается? Мы же этого поворота не совершили, 2 года уже прошло после съезда, половина пятилетки! А нам вот товарищ Байбаков докладывает, что план 1972 года не выполнили, в 1973 году тоже не выполним, а потом вообще неизвестно.

Госплан проявляет либерализм, а организации, которые за ним стоят, - просто безответственность. Госплана, как организации, определяющую

стратегическую перспективу и строго контролируемую ход нашей экономики, у нас нет!»

Характерна реакция на эту речь, о чем мне рассказал Брутенц со слов Арбатова, одного из авторов речи. Выходим, говорит, толпой из Свердловского зала, рядом оказался Бородин (директор ЗИЛ'а), один из боссов нашей индустрии. Я, говорит, спрашиваю у него: Ну, как? Да, красиво. Это вы, наверное, подпустили там красот и убедительности, писатели вы хорошие. Но только мы все это слышали уже не раз. От раза к разу речи все красивее, а дела все хуже и хуже.

И это все вслух, в толпе членов ЦК, которые даже не оглянулись, занятые, видимо, такими же мыслями.

И еще, рассказывает Арбатов: мы (т.е. он, Цуканов, Александров-Агентов, Загладин, которые тоже участвовали в подготовке речи) всячески старались смягчить остроту, на которой настаивал оратор. Причем, острота явно была направлена в адрес Косыгина.

Почему надо было смягчать? Конечно, Косыгин ничего уже не может. Но «нам только сейчас не хватает раздрая в верхушке», тем более, что на подхвате выжидают своего часа Шурик Шелепин, Полянский, Демичев, Воронов, а теперь к ним присоединился недовольный, снятый с поста Шелест. И потом: снять Косыгина, значит убрать и его команду. А что толку? Байбаков вроде «не обеспечивает» надлежащей роли Госплана. Но он умный, смелый и знающий человек. Он хоть говорит, не боясь, правду, как она есть. Лучше не найдешь сейчас. Тем более, что кого ни посади на это место, дела не поправишь, потому что не тут корень.

В связи с этим рождаются уже легенды: Косыгин, говорят, оставался на приеме (по 50-летию) до самого конца, все время один, и пил, и пил. Шелепин ушел из полупустого зала в окружении «своих». «Заострение» против Косыгина: конечно, тот ничего уже не смыслит в том, что надо делать и как делать. Но ведь и «сам» тоже ничего не понимает в экономике. В международных делах он поднаторел за эти годы и это теперь – его любимое занятие. А в экономике – «не представляет, как обеспечить тот перелом, о котором было объявлено на съезде».

И еще «музыкальный момент», как выражается Бовин. Арбатов говорит: «Мы ему (Брежневу) все время советуем поменьше фигурять перед телевизором. Да и не только ему пора воздерживаться: Ведь его дряхление всем заметно, бросается в глаза».

* * *

Послесловие к году.

Каков итог 1972 года?

Тринадцать лет до перестройки – что мы имели?

Восстановлен поколебленный при Хрущеве беспрекословный авторитет (и власть) первого лица – Генерального секретаря ЦК КПСС, хотя оформлено это было в партийном порядке в следующем году. Тогда же появились первые признаки «культа», пусть вторичного, фарсового.

В высшем властном эшелоне – Политбюро, Секретариат – сохранилось интеллектуальное и культурное убожество: Подгорный, Полянский, Кириленко, Воронов, Шелест (потом Щербицкий), Шелепин, Кунаев, Демичев, Капитонов.

Суслов, Пономарев, Косыгин – люди немного иного порядка. Последний – профессионал, но именно в этом году его начали отодвигать. Первые два оставались

носителями большевистской традиции, для которой свойственна была все–таки определенная образованность.

Экономика, после неожиданного взлета в 8–ой пятилетке, снова начала деградировать. Умные и циничные хозяйственники во главе с Байбаковым уже тогда понимали, что никакие постановления, призывы, взыскания за невыполнение планов ничего поправить по сути не могут. «Корень» – в другом, глубже.

Материальный уровень основной массы городского населения был еще терпимый, хотя люди помнили, что как раз к этому году Никита обещал завершить «первую фазу коммунизма».

Брежнев, несколько опомнившийся после интервенции в Чехословакию, утвердившийся во власти, обнаружил наличие здравого смысла. С подачи Андропова и Цуканова он приблизил к себе интеллигентов «высшей советской пробы» – Иноземцев, Бовин, Арбатов, Загладин, Шишлин. Допущенные к сверхзакрытой информации, широко образованные, реалистически мыслящие и владеющие пером, они сумели использовать «разумное и доброе» в натуре Генсека для корректировки политики – там, где это было возможно в рамках системы.

Регулярное неформальное общение их с Брежневым, советы, собственные мнения и возражения, в которых они себя с ним не стесняли, а, главное, – «стилистика» изложения политических установок, которая была на 90% в их руках, сказались, прежде всего, во внешних делах, а именно – поворот к курсу на разрядку, к диалогу с Америкой, с Западной Германией, перемена отношения к «третьему миру» – отход от безоглядной поддержки «национально–освободительного движения», опасной, в принципе недальновидной и наносившей вред государственным интересам СССР.

Доверенная приближенным Брежнева «форма» провозглашения политики снимала с нее идеологическую оголтелость, что в ядерный век и вообще в международных отношениях неизбежно отражалось и на содержании, делая его более «цивилизованным».

Идеология, давно и необратимо утратившая свой революционный, вдохновляющий и мобилизующий потенциал, окончательно слилась с лживой «пропагандой успехов». Оторванная от реалий внутри и вовне, потерявшая всякую эффективность, она давно уже не использовалась в практической политике, но нужна была для сохранения имиджа альтернативы «империалистическому Западу». И, конечно, служила демагогическим прикрытием партийно–государственного контроля за духовной жизнью общества.

В самой духовной жизни отчетливо обозначился поворот от апологетики советского строя, обязательный в «соцреализме», к исконному предназначению литературы, театра, кино, живописи. Проблемы мужчина–женщина, счастье–горе, человеческие отношения, превратности повседневности, смысл собственной жизни и тому подобное – вот что определяло теперь интерес и производителя, и потребителя духовной продукции. Одновременно начали рваться заслоны к «Серебряному веку», к «Авангарду» 20–х годов. И то, и другое было фактически протестом против надоевшей официальщины. Но появился и протест активный – в форме противопоставления нынешних порядков идеализированным нормам и принципам ленинского времени, в виде эзоповской сатиры на существующие порядки.

Все это свидетельствовало о растущем неустройстве общества, его недовольство навязанным, хотя и привычным образом жизни.

Реакцией было ожесточение чиновников идеологической и культурной сферы, включая ортодоксов официальной науки. Борьба шла уже не за идеи, а за сохранение социальных привилегий и идеологической власти. Соответствовало

такой цели и «качество» применяемых средств – наглая демагогия, запугивание, шовинизм, черносотенство, антисемитизм. Это не было официально оформленной, «утвержденной по правилам» политикой. Но отражало настроения и уровень «культуры» многих членов Политбюро, Секретарей ЦК, аппаратных бонз, обкомовских и министерских начальников. Ими и поддерживалось.

Международное комдвижение на глазах стаивало, окончательно утратив свой политический и идейный потенциал. Празднование в Москве

50–летия СССР, спустя три года после последнего всемирного Совещания компартий, продемонстрировало распад МКД, ничтожество его составных частей, находящихся на иждивении КПСС. Исключения не меняли общей картины. Попытки некоторых компартий нарастить политический капитал в своих странах за счет критики советских антидемократических порядков, окончательно подорвали саму основу существования коммунистического движения как явления мирового.

Таковы «стартовые» признаки периода, которому посвящен данный проект.